

ПОСТПЕРЕСТРОЙКА:
концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций

С. Е. КУРГИНЯН,
Б. Р. АУТЕНШЛЮС,
П. С. ГОНЧАРОВ,
Ю. В. ГРОМЫКО,
И. Ю. СУНДИЕВ,
В. С. ОВЧИНСКИЙ

С. Е. КУРГИНЯН, Б. Р. АУТЕНШЛЮС,
П. С. ГОНЧАРОВ, Ю. В. ГРОМЫКО,
И. Ю. СУНДИЕВ, В. С. ОВЧИНСКИЙ

ПОСТПЕРЕСТРОЙКА:
концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 66.3(2)
П63

К $\frac{0803010200-091}{079(02)-91}$ КБ—37—4—90

ISBN 5—250—01463—1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга представляет собой научный доклад Совета по проблемам общественного развития при Московском экспериментальном творческом центре, созданном по решению Совета Министров СССР в феврале 1989 года. Это вневедомственная корпорация, объединяющая несколько десятков государственных предприятий, которые осуществляют гуманитарные и инженерные разработки по широкому спектру проблем, как, например, программирование, конструирование новых электронно-вычислительных машин, биотехнология, медицина, экология, новые материалы. Центр проводит системные политологические исследования с применением новых математических методов, экспертных систем, теории стратегических игр, теории управления сложными системами, методов нелинейного программирования.

Книга отражает позицию, выработанную Советом в результате проведенных исследований, и публикуется в авторской редакции.

О КНИГЕ «ПОСТПЕРЕСТРОЙКА»

Сегодня, на крутом повороте своей истории, наше общество, как никогда раньше, нуждается в новых, свежих идеях. Пусть эти идеи будут спорными, пусть даже парадоксальными. Важно, чтобы они подталкивали общественную мысль в верном направлении, помогали выработать базу для консолидации и преодоления нынешней конфронтации. В конечном счете — для того, чтобы избежать тяжелых социальных потрясений.

Старые догматические принципы, постоянная оглядка на господствующее мнение «наверху» долгое время не позволяли пробиться в общественное сознание новым взглядам и концепциям. Они отходят в прошлое. Но вряд ли следует уповать на то, что автоматически произойдет их замещение полной свободой мысли, столь необходимой нашему обществу информационной свободой. Еще долгое время придется преодолевать групповщину, попытки тех или иных политических сил навязать свое мнение, выступать от имени всего народа.

Мы должны сознавать, что в годы застоя разработкой идеологических и концептуальных основ развития общества зачастую занимались люди, ставящие перед собой цели, весьма далекие от научной объективности. А люди, всерьез озабоченные кризисными явлениями, не только насильно отодвигались как конкуренты, но и сами отходили в сторону, не желая, образно говоря, быть в одной упряжке с конъюнктурщиками.

Ход событий в наши дни еще раз показывает, что суть занимаемой научной и гражданской позиции выявляется именно в тяжелые моменты, в ситуации неблагополучия. Поэтому тех, кто сегодня с неортодоксальных позиций, вдумчиво и научно обоснованно стремится отстоять социалистическую идею, уже нельзя заподозрить в конъюнктурных соображениях.

С этой точки зрения предлагаемая работа социологов, политологов, экономистов, философов, кибернетиков представляет, как мне кажется, и научную, и практическую, и, что немаловажно,— нравственную ценность.

В самом деле, почему такие весьма радикально настроенные ученые, как Сергей Кургинян и Петр Гончаров, входившие в годы застоя в число тех, кого называли «персона нон грата», не хотят сегодня присоединяться к борцам за последовательную декоммунизацию нашего общества, тогда как многие из тех, кто в годы застоя пользовался всеми его благами, заявляют о своей антикоммунистической ориентации? Вопрос этот — принципиальный, и от ответа на него зависит в конечном счете судьба нашего общества. Почему с трагической болью и глубочайшей обеспокоенностью вдруг начинает звучать всегда насмешливо-иронический голос высланного из страны Александра Зиновьева? Почему далекие от коммунизма западные теоретики начинают выражать озабоченность растущей тенденцией к огульному отрицанию предшествующего опыта, видя в этом новый виток «русского нигилизма»?

Видимо, всех этих ученых, при всей разнице их ориентации и мировоззренческих установок, беспокоит нечто гораздо более серьезное и значимое, нежели идеология КПСС.

Эту книгу отличают парадоксальность подхода к исследованию политического процесса, особая напряженность философской публицистической интонации, которую я определил бы как «страстный аналитизм», стремление вскрыть логику процессов там, где обыденное сознание видит лишь груду ничем не связанных между собою феноменов.

Над политическими пристрастиями и философскими предпочтениями ставится нечто гораздо более значимое для авторов. Это — судьба человеческая, судьба народная, это страна с ее исторической трагедией и историческим величием, это неволя и величие нашего духа, нашей истории.

Критикуя со всей безжалостностью как управляющие структуры, так и порожденное ими общество, ученые этой формации никогда не переступят грань, отделяющую самую жесткую критику от социальной безответственности. И значит, критика их всегда будет критикой со стороны людей, заинтересованных в успехе дела.

Об этом, кстати, говорит и название книги — «Постперестройка». Сегодня, когда все чаще речь начинает идти об отсутствии эволюционных возможностей у советской цивилизации, о невозможности для нашей страны какого-либо выхода из тупика в рамках социализма, авторы говорят о по-

слеиндустриальных перспективах нашего общества, о новых, нераскрытых потенциалах социализма и... коммунизма. При этом они не исключают и срыва перестроечного процесса, причем не только по вине правых, консервативных сил, представляющих, по мнению авторов, самую серьезную опасность, но и по вине так называемого «оголтелого либерализма», который, по образному выражению Бердяева, раскачивая лодку сегодня, завтра же начнет апеллировать к городовому. Авторы показывают, чем может обернуться срыв перестроечного процесса и какие силы могут при этом оказаться у власти. Здесь, как мне кажется, ученые дают обоснование той антиутопии, которая изложена в книге А. Кабакова «Невозвращенец» (см.: Заведомо ложные измышления. М., 1989), привлекла внимание представителей самых разных слоев и течений и вместе с циклами статей — «Что такое криминальная буржуазия?», «О механизме соскальзывания» («Литературная Россия»), «Схождение лавины» («Новое время»), «Лев прыгнул» («Литературная газета») сыграла роль холодного душа на фоне безоглядной перестроечной эйфории.

Я хотел бы поставить вопрос о том, что было бы с нашей страной и нашим обществом в случае, если бы в 20-е годы правящая партия сумела прислушаться к той обеспокоенности, которую выражала российская интеллигенция по части радикальных установок, ориентированных на полный разрыв с прошлым страны якобы во имя «счастливого будущего»? Хотел бы признать сегодня, на новом витке исторического развития, преодолеть историческую глухоту, суметь услышать тех, кто сегодня обеспокоен новым радикализмом, опять стремящимся начать с разрушения.

Я хотел бы также указать на ту перекличку поколений, на ту духовную связь, которая как раз и свидетельствует о наличии здоровых сил в нашем обществе, а значит, и о наличии эволюционных возможностей, возможностей преодолеть первый общий кризис социализма, подобно тому как капитализм сумел преодолеть целую серию общих кризисов, которые по своей глубине, по состоянию общественного сознания были еще более глубокими, чем та депрессия, которую социализм переживает сегодня.

Как и они в 30-е годы, мы идем сегодня вперед новым курсом. И «новому курсу» необходимы как воздух новый интеллект, новые люди, новые, конструктивные инициативы.

От того, сумеем ли мы подключить их к перестроечному процессу, на деле зависит успех перестройки и наша постперестроечная перспектива.

Хотелось бы надеяться, что эта работа не окажется последней, что она вызовет широкую дискуссию, тот диалог между здравомыслящими людьми самых разных ориентаций, который так необходим сегодня.

«Постперестройка» — работа, конечно, во многом спорная. Не везде авторы до конца обосновывают свою точку зрения. По форме эта работа (я думаю, сознательно) предельно заострена, эмоциональна. Но, видимо, на сегодняшний день в этом надо видеть не слабость, а силу, поскольку книга будит мысль, вызывает на дискуссию, на высказывание новых точек зрения.

Авторы, прогнозируя наши возможные перспективы, пытаются нацелить общественное мнение на более вдумчивый взгляд на все происходящее.

Хотелось бы надеяться, что данная работа станет одним из стимулов к плодотворному выдвижению новых идеологических концепций и целей для нашего общества.

В. МИХАЙЛОВ,
доктор исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

Предлагая свой взгляд на возможные пути развития нашего общества, находящегося в преддверии новой его стадии, которую мы называем «постперестройкой», мы хотели бы указать на главные причины, побудившие нас к написанию этой книги.

Первое. Мы считали и считаем высшим достижением перестроечного процесса пробуждение воли к изменениям, к новой, очищенной от лживого, самому себе не верящего догматизма правде о нас и нашем обществе.

Эта информационная свобода оказалась, однако, в плену «анти»-стереотипов, порожденных самой перестройкой. И в этом плане пора вспомнить старую пословицу: «Упаси бог меня от моих друзей, а от врагов я сам уберегусь». Настало время, когда во имя информационной свободы мы должны сказать «нет» многим перестроечным формулам и клише, спасая перестройку от нее же самой и от ее «друзей», жертвуя ее идолами во имя свободы исследования, во имя той самой «правды», которая рискует оказаться очередным знаком, очередным клише, коль скоро мы не займемся исследованием и критикой самого перестроечного процесса. Сегодня вместо такого анализа все еще слышим одинаково непродуктивные восхваления и анафемы. По сути, в видоизмененном виде продолжает действовать принцип: «кто не с нами, тот против нас». Дальше так продолжаться не может.

Второе. Мы считаем необходимым положить конец этой порочной, с нашей точки зрения, практике. Там, где тенденция подменяет научный анализ, где пристрастия могут победить волю к истине, там политики постоянно попадают в плен очередных лозунгов и деклараций, в очередной раз отдающих магическими заклинаниями, как бы освобождающими их от интеллектуальной ответственности. Это прямой путь к митинговой демократии, где эмоции господствуют над

разумом. Такое бывало уже неоднократно в нашей истории и не должно повториться.

Любой политик, говорящий всерьез о программе преодоления кризиса, сегодня, с нашей точки зрения, просто обязан дать в этой программе, во-первых, ситуационный анализ, во-вторых, постановку целей, по его мнению желательных для общества и исходящих из существующей расстановки сил (неважно, какими будут эти цели — социалистическими или капиталистическими,— лишь бы они были внятно «проартикулированы»), и, наконец, в-третьих, указать средства, следуя которым можно поставленные цели реально осуществить, обозначить этапы, описать «социальные технологии», четко сказать о неизбежных издержках, их масштабе, а также о том, кому придется взять на себя эти издержки.

С нашей точки зрения, любая политическая платформа, партия, общественное движение должны оцениваться, исходя из наличия в их программе этих трех стратегически важных «блоков» и только после этого уже подвергаться критике, исходя из тех требований, которые это движение само себе предъявляет, а вовсе не из тех, что к нему «прилагаем» мы. Но если такие три «блока» отсутствуют, то мы вправе констатировать, что речь идет не о политической программе, а о очередной политической мифологии, и в этом случае для нас неважно, какова эта мифология, является она «консервативной» или же «прогрессивной». Для нас мифология в принципе неприемлема, поскольку либо не может изменить политическую реальность, либо изменяет ее совсем не в том направлении, которое провозглашает, и под крики о спасении толкает общество к гибели (процесс, прекрасно описанный А. А. Зиновьевым). И что если, поверяя политические призывы и лозунги этим критерием, мы неожиданно убедимся, что наша политическая стихия, такая «бурная» и многогранная, вся (или почти вся!) мифологизирована. Что тогда?!

Третье. Мы различаем два вида плюрализма: плюрализм форм, скрывающий отсутствие содержания, и собственно содержательный плюрализм. И во имя торжества подлинного плюрализма считаем необходимым критиковать плюрализм мнимый. Наша основная цель — не подменяя науку политикой, попытаться помочь политическим движениям, еще только становящимся на ноги в нашей стране, обрести свое подлинное лицо и одновременно оказать противодействие попыткам подменить лица мертвыми масками, а серьезное и во многом трагическое как для участников, так и для зрителей политическое действо — «ярмаркой тщеславия».

Нам бы очень хотелось хоть немного помочь политикам всех направлений *увидеть себя со стороны.* Мы надеемся, что, предложив один из возможных прогнозов развития общества, вызовем тем самым желание спорить *на том же языке,* по тем же правилам, иначе говоря, желание говорить *всерьез о серьезном.*

Мы были бы счастливы, если бы это произошло, и считали бы тогда свою основную цель достигнутой.

1. НОВЫЙ ЭТАП МИРОВОГО ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Эпоха господства индустрии на исходе. Впереди новая, информационная эра. Неравномерность развития при этом не убывает, а нарастает, хотя и переходит в новое качество. В новых условиях уровень развития государств и народов определяется научно-технической «емкостью» их производительных сил. Уменьшение роли природного фактора, увеличение значения уровня квалификации работающего в широком понимании этого слова — вот основная тенденция научно-технической эволюции.

Лидер — это тот, кто производит *новые технологии.*

Отстающий вынужден производить вещи.

Аутсайдер поставляет материал для производства и, что, возможно, важнее всего, берет на себя издержки этого производства. А поскольку в преддверии всемирного ресурсного, демографического и экологического кризисов вопрос об издержках приобретает крайне острую форму, мы имеем право говорить о нарастающей тенденции к технологической эксплуатации, осуществляемой странами-лидерами по отношению к странам-аутсайдерам. Чем больше аутсайдер отстанет от лидера, тем больше он будет бесправен и тем выше вероятность того, что эксплуатация сможет превратиться в технологический геноцид. Размещение радиоактивных захоронений, высокотоксичных производств, варварская эксплуатация ресурсов — вот приметы такого превращения.

Его социальный аспект — торговля индустриальными рабами, вынужденными отдавать за бесценок самое дорогое, что есть у человека,— его здоровье и здоровье его потомства. А в качестве нового культурного «наркотика» такие рабы должны получать эрзацы массовой культуры и морали, внедряемые в их сознание достигшими колоссальных мощностей средствами массовой информации.

Социально контролируемое общество, психоконтролируемое общество, евгеника, информационная и технологическая диктатура — вот тот способ решения цивилизационных про-

блем, который становится естественным и органичным, коль скоро действует принцип «выживает сильнейший». Тезис о «единстве мира», о том, что сегодня уже нельзя повредить другому, не повредив себе, справедлив лишь относительно проблемы выравнивания состояния экосферы, но отнюдь не в плане выравнивания других сторон бытия тех или иных частей человеческого сообщества, например типов потребления, образования, культуры, участия в управлении и т. д.

Как бы ни выглядел недостающий продукт в XXI столетии, он — пока господствует принцип доминирования — никогда не будет делиться поровну. Как быть, если в XXI веке «дефицитной» станет сама жизнь?

Анализируя тип конфликтов, уровень конкурентной борьбы, частоту столкновений, природу «малых войн» в различных регионах земного шара, растущую борьбу за стратегически значимые ресурсы и основные тенденции к монопольному контролю за этими ресурсами за счет применения военных и политических средств, поединок за право на «лидирующую валюту», уровень мировой финансовой нестабильности и десятки других факторов, характеризующих качественно и количественно геополитическое равновесие, мы считаем возможным и необходимым констатировать, что человечество стоит на пороге третьей мировой войны — технотронной. Технотронный ультиматум, технотронная капитуляция, технотронный концлагерь — вот ключевые понятия этого нового типа порабощения слабых сильными.

Поскольку сфера технотронного развития охватила все человеческое сообщество, постольку в технотронной войне нельзя сохранить нейтралитет. Наша страна неизбежно помимо воли будет вовлечена в эту новую, жестокую схватку. Вопрос может состоять лишь в том, будет ли она в ней участвовать как субъект, отстаивающий свои интересы и имеющий свои цели, или она окажется объектом реализации чужих целей и интересов, противоречащих ее собственным.

2. ЗАДАЧА НАШЕГО ОБЩЕСТВА НА ДАННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В контексте нового этапа общественно-исторического развития наша основная и, по сути, единственная задача — *преодолеть в исторически кратчайший срок отставание производительных сил нашего общества от производительных сил наиболее развитых государств Востока и Запада — стран-лидеров.*

Не признав критерием общественного развития, точкой отсчета, альфой и омегой нашего бытия решение этой фундаментальной проблемы, мы рискуем, утеряв уже окончательно все ориентиры, заблудиться в хаосе случайных преобразований производственных и социальных отношений.

Вопрос о новом качестве производительных сил можно вытеснять из общественного сознания, замещать его сотнями так называемых «актуальных проблем», подменять утверждениями о «самоценности» тех или иных преобразований общественных институтов. Но вышвырнув этот вопрос в окно, мы должны быть готовы к тому, что он, в превращенной форме, войдет в дверь нашего дома, пройдет сквозь стены, внезапно вылезет из-под стола почтенного президиума. Рано или поздно обществу все равно придется набраться мужества для того, чтобы ответить на него в полной мере.

Ответить — это значит принять вызов технотронной цивилизации. Не раствориться в ней, не подчиниться ее диктату, не кормиться объедками с ее стола, а именно принять вызов. Способны ли мы на это?

Сегодня мы поверяем уровнем жизни стран-лидеров нашу экономику, культуру, образование, здравоохранение, защиту окружающей среды и всюду видим катастрофическое отставание. Мы так долго, так громко кричали о победах в освоении космического пространства, о могуществе оборонного комплекса, о стройках века, мы так сильно сами себе надоели этими громкими реляциями, что сегодня повсюду ищем фальшь, ложь, «лукавые цифры».

Это право народа, которому слишком долго и чересчур назойливо вдалбливали победные реляции. Это — насущная необходимость для общества, лишенного информационной свободы. Но чем сложнее наше положение, тем напряженнее должен быть труд, для того чтобы «избыть беду». А вместо этого мы наблюдаем симптомы «трудового паралича», апатии. Страна должна выбирать между прорывом, форсированным развитием и распадом, деградацией, хаосом. Сегодня, как никогда, каждый месяц, потраченный на разглагольствования, обернется завтра необходимостью все более радикальных фрустрирующих общество мер.

Сегодня уже нет ни сил, ни времени для того, чтобы выяснять отношения, раздавать щедрые посулы, «идти навстречу требованиям», которые в принципе выполнены быть сегодня не могут.

Перед страной, по сути, стоит всего лишь один жизненно важный вопрос: слабые сегодня — хотим ли мы стать силь-

пыми завтра?! И если да, то какую цену мы готовы за это заплатить?

Японцы говорят о себе: «Вторая половина 80-х годов и 90-е годы станут временем великого испытания творческих сил народа. Вся нация должна будет работать, как одно одержимое существо, чтобы встретить этот великий вызов».

Почему в Стране восходящего солнца заимствуют дух наших, ныне нами же отвергаемых традиций?!

Не потому ли, что в конце XX века уже бессмысленно говорить об экономике в отрыве от социальной психологии, от этики, от теории мотиваций. В преддверии информационной эры неправомерно отделять высокие мотивы от «принципа материальной заинтересованности». Открывая в нашей стране «азбуку хозрасчета», мы в силу нигилизма, являющегося одной из слабых и страшных черт нашей культуры, рискуем забыть о той части нашего опыта, которая активно изучалась на Западе, о таких составляющих высокопроизводительного труда, как азарт, самовыявление, реализация крупных, масштабных, значимых для данной личности и коллектива задач, солидарность на почве единства цели, и в конечном итоге — о суперрентабельности одухотворенного трудового усилия. Они научились у нас этому, а мы стремимся это забыть! Почему? Желая приобщиться к экономической культуре стран-лидеров и отречься от всего своего прежнего опыта, не разбираясь, не расчленяя, по сути, даже не анализируя, мы тем самым нарушаем логику развития, единую для всей нашей цивилизации. Ту логику, согласно которой только учет культурно-исторической специфики своей страны, только опора на присущие именно ей как историческому субъекту формы и ценности, являющиеся спонтанным выражением именно ее подлинных потребностей и мотивов, и позволяют безболезненно осуществлять форсированное развитие. Говоря все время об уровне жизни, мы забываем, что сегодня «там» все больше говорят о ее «качестве».

Отрицая понятие жертвы, отказываясь от груза великой миссии, говоря о приоритете отдельной личности перед государством, какое качество жизни готовим мы этой личности? Каким оно будет — это «счастье» жителя слабой страны, жителя державы, на глазах теряющей свою роль, свое право влиять на ход мирового процесса?!

Призывая учиться у стран-лидеров, мы почему-то хотим учиться всему, кроме главного — умения уважать себя, свою страну, свой народ, свое общество и свою историю.

Это отсутствие самоуважения, эти конвульсивные перепады от истеричной кичливости к кликушескому самобичева-

нию — самое страшное заболевание общества, своего рода коллективный психоз, не излечив который мы не сможем решить стоящих перед страною проблем.

Столетиями длится эта трагедия духа, мятущегося между комплексом неполноценности и манией величия, эта беда, избыть которую стремились Пушкин и Гоголь, Тютчев и Достоевский.

Освободив нас из-под власти тоталитарного государства, освободила ли нас перестройка *от нас самих?!*

Вдумаемся! Мог ли представитель западной цивилизации в самых сложных условиях, при любом масштабе кризиса дать самому себе определение, по уровню самоуничижения сопоставимое с термином «гомо советикус»? Определив тем самым самих же себя, как низшую (неразумную?!) расу. Как особый (неполноценный, видимо?!) вид? Как представителей недокультуры, «унтерменшей». И кто, как не «гомо советикус» (если следовать логике этого отрицаемого нами понятия), мог призвать к тому, чтобы «взять все лучшее у капитализма и забыть, что мы строили коммунизм».

Какая неистребимая убежденность в способности нашего гения, в отличие от «них», взять лучшее, а «худшее» походя, между прочим отбросить! И какая готовность забыть, стереть из памяти «все то, что прежде знал, что так любил, чему так жадно верил»?! Неужели одно это не вызывает чувства глубокой обеспокоенности происходящим?! А ведь подобных примеров великое множество.

Не менее тревожна подтверждаемая многочисленными исследованиями эрозия трудовой деятельности. Это не просто падение трудовой дисциплины, что само по себе не может не вызывать беспокойства, это — мотивационная катастрофа, сознательная переориентация с созидания на добывание, потеря активности, «овнутренной» дисциплины, своего трудового «Я», умения одержимо работать. Но ведь каждый, кто сталкивался с западной цивилизацией не только на уровне круизов и супермаркетов, понимает, какой ценой дается «то» изобилие, какая супермобилизация присутствует в слоях, которые обеспечивают высшую производительность «той» экономики.

И если мы хотим учиться творчески у лидеров научно-технического прогресса, то опыт их конкурентной борьбы последнего десятилетия убедительно показывает, что рывок, суперскорость развития уже не могут быть обеспечены только щедрыми материальными вознаграждениями. Что «там» умеют сегодня опереться на предельную активизацию высшего творческого начала каждой личности и общества в целом,

на пробуждение воли к жизни, на осознание высшей целесообразности, на сверхинстинкт, подсказывающий человеку, что лишь движение на пределе возможностей может обеспечить ощущение полноты бытия, только оно спасет от деградации, духовного и физического вырождения и не позволит вдруг оказаться «захороненным заживо». На этом сегодня настаивают отнюдь не советские коммунисты, а западные неоконсерваторы, авторы моделей перестройки Америки, Японии, Западной Европы. А раз так, то в сложившейся ситуации жизненным интересам нашего общества отвечают, как это ни парадоксально, ныне им отторгаемые типы социального поведения, такие, как супертрудолюбие, сфокусированная рациональность, вера в труд как высшую ценность, самодисциплина, способность отсрочки вознаграждения с ее внутренней ориентацией на будущее, воля к преодолению пределов своих возможностей, рассматриваемая как высшая цель жизни, свой шанс оставить, по словам У. Фолкнера, «хоть крошечный шрам на лике великого Ничто». На этом типе ценностной ориентации базируется любой проект форсированного развития любого общества: будь то индустриальная революция XVIII века, реформы Рейгана в США, реставрация Мэйдзи в Японии, революция Петра Великого в России или грандиозный план Красина — Кржижановского, известный под искаженным названием «сталинская индустриализация». Сейчас мы на пороге нового сверхусилия. Это та истина, хотя и прискорбная, но абсолютно неопровержимая, от которой не удается спрятаться в вату конформных призывов и деклараций, когда под аккомпанемент рассуждений о «Покаянии» у нас на деле в слоях, претендующих на социальное лидерство, господствуют выставляемая напоказ роскошь, дешевое купечество, плохо скрываемое презрение к созидательному труду, то есть социальные тенденции, одинаково признанные во всем мире симптомами деградации и вырождения.

В бродиле криков о тотальной капитуляции всей системы ценностей, на которой держалось наше общество, растворилось даже то исконное презрение к вору, которое казалось неискоренимым. Все чаще слышны призывы видеть в жулике, «теневике» спасителя нашей страны. Мы вынуждены констатировать, что общество впадает в очередной коллективный психоз, стремясь заполнить создаваемый им же самим вакуум частнособственнической утопией.

В условиях глубокого кризиса и предшествующей ему более чем четвертьвековой стагнации такая утопия несомненно играет на руку реальным интересам определенных сил вну-

три страны и за рубежом. Необходим подробный анализ характерных черт этих сил, а также того, насколько далеко простираются их политические претензии.

3. РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ВНУТРИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. СОВЕТСКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ — ВЕДУЩАЯ СИЛА ДЕСТРУКЦИИ И РЕГРЕССА

Криминальный мир переживает «новый ренессанс» в планетарном масштабе. События в Колумбии, серия политических убийств последней четверти XX столетия, вышедшая на поверхность деятельность политического монстра П-2 — это лишь поверхностные симптомы глубинного и мощного политического процесса.

В нашей стране, как нигде в мире, отсутствует сегодня понимание взаимосвязи этого процесса с фашизмом, принесшим человечеству неисчислимые бедствия и сегодня более чем когда-либо готовым снова поднять голову.

На Западе исследованиям такого рода посвящены сотни монографий, отчетов, докладов, различного рода аналитических материалов. И лишь советская общественность пребывает в блаженном неведении по части того, каков сегодня экономический потенциал всемирного криминалитета и не является ли он одной из ключевых надправительственных структур, готовых к предоставлению услуг по управлению миром в XXI столетии. Лишь в нашей стране отсутствует понимание того, что криминалитет есть нечто принципиально отличное от воровской шайки, что криминальная экспансия охватывает все сферы бытия нашей цивилизации, что всемирная, международная преступность всерьез политизирована, имеет свои модели решения противоречий нашей цивилизации, выступает «спонсором» определенных направлений научных исследований, касающихся новых моделей управления человеком и человечеством, что борьба США с наркомафией в Латинской Америке отнюдь не проходной эпизод в жизни этой сверхдержавы, а предельно напряженная схватка с неопределенным исходом. Схватка за жизнь между носителями либерально-универсалистской мировоззренческой ориентации и держателями совсем иной, альтернативной политической установки.

Мы утверждаем, что на данном этапе развития цивилизации нигде во всем мире криминалитет не представляет такой серьезной опасности, не является столь мрачной и зловещей силой, как в нашей стране.

Мы считаем необходимым, насколько это возможно при тезисном изложении, обосновать это утверждение, поскольку, с нашей точки зрения, варианты политического решения накопившихся проблем коренным образом зависят от того, какой вес мы придадим этому политико-криминальному фактору. Любой реформаторский замысел, не учитывающий этот фактор, утопичен, любая гуманистическая модель, не вводящая его в число исходных параметров, способна обернуться огромным злом, непоправимой бедой.

Анализ так называемого предкапиталистического периода развития цивилизации, анализ структуры первоначального накопления капитала позволяет утверждать, что хаос, бедствие, катастрофическое обнищание большей части населения приводят к стремительной концентрации средств в руках тех, кто обеспечивает распределение «ресурсов жизни», таких, как безопасность, минимум продуктов питания, медикаменты, транспорт, жилье. Рост потребности в предметах первой (витальной) необходимости в сочетании с сокращением объема их производства ведет к монопольно высоким ценам на все необходимое для того, чтобы сохранить жизнь. «Черный рынок» порождает «черный» криминальный капитал, несовместимый с демократией, опирающийся на организованную преступность со своими законами («черным кодексом»), своей государственностью (пиратские королевства). И одновременно с развитием структур белого капитализма в XIX и особенно в XX веке шло бурное развитие черного капитала, неоднократно, а в ряде случаев и небезуспешно претендовавшего на передачу ему всей полноты государственной власти. Этот механизм хорошо известен, подробно исследован, и лишь существующим в нашей стране информационным вакуумом объясняется то, что при всем обилии скандальных разоблачений, при огромном накале антикоррупционных настроений общество остается в неведении по поводу механизма функционирования «черной» экономики.

Достаточно детально изучены, прежде всего в Италии и ряде стран Латинской Америки, связи между тоталитарным чиновничеством и организованной преступностью. Существует особая категория специалистов — «Виолентологи» (специалисты по насилию), которые, исследуя взаимоотношения чиновничества и преступности, показали, что роль «первой скрипки» в этом союзе играют представители чистого криминалитета, тогда как тоталитарная бюрократия чаще всего выступает в роли так называемой «группы прикрытия».

Ничего принципиально нового советский тоталитаризм не привнес в этот «черный процесс» — кроме масштаба.

Ни одна страна не претерпела в XX веке столько бедствий, сколько наша, и нигде в мире соответственно не было столь длительного периода, благоприятного для образования «черного» криминального капитала. Гражданская война и нэп, коллективизация и вторая мировая война создали предпосылки для формирования внутри нашего общества нового класса — криминальной буржуазии. Это не пережиток старого общества, как пытались заявить теоретики «сталинского закала». Это отходы самой революции, социального регресса, пережитого нашим обществом, отходы колоссального катаклизма, по сути, малого апокалипсиса, который стране пришлось пережить, это своего рода родовая травма нового общественного строя.

К сожалению, сверхпопулярные романы 30-х годов, создававшие образ подпольного миллионера-одиночки, равно как и сенсационные разоблачения последних лет, до сих пор блокируют в общественном сознании восприятие подпольных бизнесменов именно как класса, давно связанного взаимными и международными обязательствами, наследственным капиталом, единством социальных, политических и экономических интересов, иерархией и региональным разделением труда. Образ «цеховика», компенсирующего своей предприимчивостью абсурдность советской экономики и покрываемого советским партийным боссом,— вот предел информированности рядового гражданина нашей страны, достигнутый в ходе перестроечного периода. За чертой обсуждения попрежнему остаются вопросы о финансовом теневом капитале, о его контроле над цеховым производством, о региональных и межрегиональных группах «теневиков», их связях и противоречиях, об истории накопления сокровищ в каждом из регионов СССР, о теневой религии, идеологии, политике, о теневых мозговых центрах, о региональных ведомствах (министерствах), захватываемых теневым капиталом что называется «на корню» и превращаемых в штабы и «теневые совмины», одним словом, о наличии, по сути дела, второй властной системы, «государства в государстве», способного предъявить стране новую тоталитарную модель. Вторая власть предполагает, по сути, все тот же тоталитаризм с другим знаком. А значит, аплодисменты демократии, вызванные сбросом красного флага с флагштока нашего корабля, в кратчайшие сроки сменятся криком ужаса, поскольку взамен красному флагу окажется поднятым «Черный Роджерс».

В работе тезисного характера мы не можем и не должны давать развернутых аргументаций в пользу предложенной нами модели. Это — отдельная тема, волнующая нас постоль-

ку, поскольку она может иметь ключевое значение для судьбы перестройки.

Мы уже информировали общество в целом ряде публикаций о том, как конкретно происходит процесс оформления криминалитета в новый класс — криминальную буржуазию в ряде регионов страны и каким образом обеспечиваются интересы этого нового класса.

Мы говорили и о том, что переплетение феодальной бюрократии (частный случай — партократии) с криминальной буржуазией носит противоречивый характер, что новому классу уже надоело быть на побегушках у старых хозяев и что взятки отнюдь не исчерпывают многообразия преступных манипуляций в общегосударственном масштабе. Мы говорили о том, что по объективным, производственно-хозяйственным, финансовым, политическим обстоятельствам, равно как и по соображениям безопасности, верхушка криминальной буржуазии в СССР не может, не хочет и не должна входить в высшие бюрократические эшелоны, и более того — заинтересована в том, чтобы, натравив на бюрократию, как на хозяина мафии, народные массы, на деле пустить наше демократическое движение по ложному следу.

Мы утверждали и утверждаем, что в диалоге «черных вилл» с «красными кабинетами» роль хозяев уже не первый год играют владельцы «черных вилл», предпочитающие зачастую даже не выходить на гребень кооперативного движения. А коррумпированная бюрократия лишь исполняет приказы, а в тех случаях, когда не подчиняясь, держится за феодальную власть (разумеется, опять же в сугубо корыстных интересах), отстраняется с использованием весьма демократических и благородных мотивировок, после чего место сброшенного занимает отнюдь не более честный, а более послушный, покладистый, гибкий и управляемый бюрократ.

Мы обращали и обращаем внимание и на то, что «сброшенный» в ряде случаев уже сумел войти в пай с теми, кто его «опрокинул» «во имя торжества демократии и утверждения национальных интересов», и что раз так, то следует отличать «пертурбацию» (даже сопровождаемую радикальными заявлениями и сменами вывесок) от «революции».

Мы считаем своим долгом заявить о том, что, по нашим расчетам, на 1 января 1990 года, как минимум, 20 процентов бюрократии еще довольствовались кастовыми привилегиями и не входили в прямой альянс с теневыми структурами. Мы не пытаемся идеализировать эту часть общества. Мы хорошо знаем всю меру дефектности ее менталитета и воли.

Мы просто пытаемся дать объективную расстановку групповых и классовых сил.

Мы констатируем, что регресс в нашем обществе дошел до той степени, что объективно в конце XX века мы можем вновь пользоваться, казалось бы, бесконечно устаревшим классовым языком, применять методологию, по сути, адресующую к концу XIX — началу XX века. Каково общество — такова и методология. Еще несколько лет социального регресса — и можно будет говорить о луддитах, латифундизме и о крестьянской войне.

И наконец, в преддверии важнейших (на первый взгляд кажущихся достаточно безусловными) изменений, которые должны произойти в ближайшее время, мы считаем необходимым сделать свой взнос в копилку общественных раздумий, альтернативных моделей, и главное — самой методологии анализа нашей действительности.

Политический процесс набирает скорость, противоречия нарастают лавинообразно. В этих условиях невозможно и далее описывать происходящее в координатах «правые — левые — центр». Вся практика серьезного анализа расстановки политических сил в современном обществе противоречит такому весьма поверхностному описанию.

Предлагая в анализе противоречий исходить из наличия нового, специфического класса — криминальной буржуазии, мы тем самым стремимся указать на недостаточность право- и левоцентристской моделей для описания процессов, происходящих в нашем обществе, и хотим обратить пристальное внимание на крайне противоречивую природу так называемого «радикального либерализма». В силу специфического устройства нашего общества «радикальный либерализм» при неблагоприятном стечении обстоятельств способен привести к новой разновидности тоталитаризма (по сути своей ультраправого).

Говоря о специфическом устройстве, мы прежде всего имеем в виду место и роль криминальной буржуазии на всех этапах развития нашего общества, а также диалектику либерализма и криминальной деструкции.

Первый этап развития криминальной буржуазии фактически завершается концом нэпа, имевшего свои ограничители, свои психологические, экономические, культурно-социальные барьеры и ограничения.

Об этом, в частности, предупреждал такой деятель коммунистического движения, как Л. Б. Красин, говоривший о необходимости согласовывать либерализацию с жестким государственным программированием ключевых областей раз-

вития нашего общества. Сегодня такой курс был бы назван неоконсервативным. Ответ неоконсерваторам, который был дан «либералом» Зиновьевым, и сегодня звучит более чем актуально. Имея в виду Красина, Зиновьев заявил: «Мы просим некоторых товарищей, которые суются к нам со словом некомпетентность, чтобы они забыли это слово». Таким образом, Зиновьев перечеркнул сформулированную «технократом» Красиным программу форсированной модернизации страны. Отсрочка в выполнении программы Красина, по сути, привела к тому, что та же задача стала решаться Сталиным, но уже в патологизированном виде. Таким образом, Зиновьев, отказавшись от предложений Красина, подписал себе же смертный приговор. Мы получили тоталитаризм не как антитезу нэпу, а как его логическое (точнее, диалектическое) завершение. Коммунистическое правительство не смогло (да и не могло в принципе!) либерализировать военно-коммунистическую структуру. Оно лишь поставило общество на грань новой гражданской войны (на этот раз с уничтожением коммунистов). Восстановление крупной частной собственности (являющееся неизбежным итогом либерализации) уже тогда могло идти лишь через антикоммунистическую диктатуру и гражданскую войну с прямым возвратом порядков предшествующего периода. Такую реставрацию страна принять не могла прежде всего психологически. Сдавленная между двух зол, она предпочла ужас коллективизации. Характерно удивление Троцкого по поводу отсутствия крестьянских восстаний и мятежей в 1929 году.

Нэп впервые показал, что либерализация, взятая сама по себе, без жестких, централизованных программ развития по ключевым направлениям, в условиях наличия скрытого двоевластия, в условиях сосуществования двух структур, двух экономик, в условиях родовой травмы общества, непродуктивна и лишь способна вызвать новый всплеск тоталитаризма.

Второй период становления теневой экономики и второй власти, «второго государства», принадлежит периоду сталинского режима, имеет свое членение (коллективизация, война, послевоенное восстановление разрушенной экономики) и требует специального подробного рассмотрения. «Мафия и тоталитаризм» — это тема, хорошо изученная на Западе, но фактически не затронутая в нашей стране.

Крайне специфична при этом фигура Л. П. Берии, которая в содержательном плане фактически не исследована советскими историками, равно как и социально-классовая природа конфликта «Берия — Жуков».

Есть основание полагать, что переход от колоритных фар-

сов к серьезному научному анализу привел бы к правде, столь серьезной и зловещей, что она оказалась бы значимой не только в плане разоблачения злодеяний сталинского режима.

Здесь же, анализируя теневую экономику того периода, мы лишь констатируем, что до тех пор, пока скудности производства соответствовала такая же скудность потребления, пока невозможно было не только выбрать наиболее подходящее, но и просто купить необходимое (а одновременно не было средств для покупки), «черный» капитал прежде всего фигурировал в общественном сознании именно как «черный», то есть нравственно и социально отвергаемый, отторгаемый, третируемый, отлученный от ценностей социума; далее — он осуществлял свою деятельность на уровне глубокой конспирации, стремился минимизировать свою инфраструктуру; и наконец, он локализовывал коммуникации с управленческой элитой, предельно дистанцировал себя от нее прежде всего из соображений безопасности, рассматривал держателя властных отношений, вошедшего в контакт с представителями «черного» капитала, как *закрытую ключевую фигуру*. Проще всего было бы сказать, что «черный» капитал находился в этот период в полуэмбриональном состоянии. Однако это неверно. Масштаб операций «черного» бизнеса нарастал постоянно. Вряд ли можно говорить и о подмораживающем воздействии тоталитаризма. Пожалуй, наиболее точно этот период можно определить как закрытый, «компактный», «капсульный». «Черный мир» развивается, но он отгорожен от общества практически непроницаемым барьером, он купирован. Социальный иммунитет по отношению к этому «заболеванию» крайне высок.

Третий этап — это начавшаяся после XX съезда вторая (после нэпа) попытка либерализации тоталитаризма. Она до сих пор описывается в рамках апологетики или огульного отрицания, а не как сложный противоречивый процесс.

«Оттепель» принесла с собой кризис тоталитарного мировосприятия. На первых порах этот кризис задел лишь периферию сознания. Ценностное ядро, смысловой стержень оставались нетронутыми. В этом смысле к началу 60-х годов сложилась особая ситуация, когда процесс социальной реконструкции мог скомпенсировать процесс разрушения старого социума, и общество, оставаясь в состоянии стабильности, могло бы начать новую фазу эволюционного развития.

Однако этот исторический шанс, по времени совпавший с ориентацией нашей экономики на наукоемкость, победой в освоении космоса, созданием прообразов нынешних техно-

полисов — советских академических центров, высоким качеством образования в ведущих вузах страны, освобождением крестьянства из-под гнета «специального» паспортного режима, был упущен. Вина за это лежит на всех слоях общества.

Сегодня, исследовав ошибки той эпохи, необходимо говорить не только о силе «консервативного синдрома», остановившего процесс необходимых обществу перемен, но и о слабости носителей «воли к переменам», так называемых «шестидесятников», не сумевших отделить зерна от плевел, свои благие пожелания — от реалий того общества, которое нуждалось в реформе, не сумевших согласовать интересы различных групп этого общества, поставить во главу угла ключевые общественные интересы, соблюсти трезвость и реализм. В конечном счете необходимо говорить о дефектах самой идеи либерализации, как таковой, применительно к нашей стране, нашему обществу. Две разные попытки либерализации — нэп и хрущевская «оттепель», потерпевшие сходные неудачи в разных исторических ситуациях, требуют критического анализа самой идеи либерализации в принципе. На первый взгляд ничто не отвечало (и не отвечает!) у нас требованиям эпохи больше, нежели либерализация с ее идеями смягчения всех форм общественного принуждения по отношению к личности, с ее духом антитоталитаризма, антиэтатизма, с ее провозглашением неотъемлемых прав и свобод личности как высшей ценности. Казалось бы, либерализация более чем естественна там, где речь идет о снятии политических судорог «военного коммунизма», сталинского тоталитаризма, брежневского застоя. И все же она раз за разом терпит в нашей стране сокрушительное поражение. Почему?

Мы считаем, что в нашей стране никогда не было (и чем дальше мы отстоим от 1917 года, тем в меньшей степени в принципе может быть осуществлено) так называемого «гражданского общества».

Индустриализация фактически произошла у нас, не затрагивая традиционалистские устои, принципы традиционного действия, поведенческие схемы, закрепленные в культурной традиции.

К началу 60-х (как, впрочем, и к началу 90-х) годов мы оставались (и остаемся) своеобразной разновидностью традиционного общества.

Либерализовать традиционное общество «малой кровью» нельзя, можно лишь спровоцировать его этой либерализацией на консервативную судорогу.

Вот вывод, который проистекает из опыта попыток либерализации советского общества. А раз так, то каждый, кто

всерьез ориентирован на политическое действие, сегодня, вне зависимости от конкретных политических убеждений, вынужден вначале дать ответ на ряд вопросов, логически проистекающих из типа принимаемого им решения, которое мы называем «сверх»- или «метаполитическими».

Итак, главное, *принял ли он решение участвовать в необходимой для успеха либеральных реформ жесточайшей ломке всей традиционалистской структуры сознания, психики, культуры, находящихся в основе данного социума?* Если решился — тогда неизбежно возникает первый вопрос: сознает ли он, что такое разрушение предполагает весьма и весьма жестокие и антигуманные средства (культурный и идеологический шоки, социальный террор, глумление над «тотемами туземцев», нарушение их «табу», алкоголь «масскультуры» и прочее). И что именно *эти* средства будут *необходимыми*, коль скоро он встал на путь ломки *именно фундаментальных* основополагающих структур традиционного общества?!

Второй вопрос. Коль скоро он согласен на это, то сознает ли, что, встав на путь «великой ломки», действительно необходимой в качестве предпосылки успеха либеральных реформ, он обязан «поступиться» на неопределенное время (ради «светлого будущего») всеми либеральными принципами стать адептом не только культурного и идеологического «террора», но и *политической диктатуры,* поскольку протест против такого насилия над фундаментальными структурами традиционалистского общества потребует насильственного подавления, насильственного «втягивания» в новый «либеральный рай».

Третий вопрос. Сознает ли он свою ответственность за то, что этими действиями резко повышает вероятность и масштаб «консервативной судороги»?!

Четвертый вопрос. Готов ли он нравственно и политически пережить эпоху гражданской войны — в конце XX века?!

Пятый вопрос. Разрушив традиционное общество, на время становления «гражданского» (а оно всерьез становиться на ноги не сможет и не захочет, пока не будет сломано традиционное), он должен будет опереться на национальный фундаментализм, потому что просто больше «опереться» будет уже *не на что.*

Шестой вопрос. Между ценностно-рациональным способом действия, сформированным (как высокая норма) данным типом общества и целерациональным действованием, слагающим основу либерального общества, как показывает опыт последних лет, ему придется преодолеть полосу массового аффективного действия, причем не подавляя, а возглавляя

эту аффективную массу, неизбежно встающую на данный путь, коль скоро всерьез начата ломка традиционалистских устоев?! Понимает ли он, к чему это приводит *на практике?!*

Седьмой вопрос. Основополагающими для либерализма являются антифашистские устремления. До сих пор либерализм лишь приравнивал коммунизм к фашизму, как два негатива. Однако в случае утвердительных ответов на шесть предыдущих вопросов ему придется признать, что неизбежно возникающий при «ломке» такого масштаба «фашистский капитализм» (мы используем здесь не ярлыки сторонников пресловутой Нины Андреевой, а строгий термин, введенный американцем, профессором Массачусетского технологического института, лауреатом Нобелевской премии в области экономики Полом Самюэлсоном), «фашистский капитализм», повторяем, *является благом.*

Восьмой вопрос. Удастся ли перейти к либеральной модели от «фашистского капитализма» в сколь-нибудь обозримом будущем?

Девятый вопрос. Не приведет ли установление «фашистского капитализма» на шестой части земного шара, в непосредственной близости от Германии и Японии, к сворачиванию европейского либерализма, уже и так сдающего одну позицию за другой под напором других, альтернативных, философских и политических направлений?

Десятый вопрос. Осознается ли, что в поле новых цивилизационных тенденций традиционализм уже не воспринимается как преграда для развития? Наоборот, в лидирующих странах идет попытка восстановить целый ряд традиционалистских основ в культуре, идеологии, психологии, политике как *предпосылок* перехода к «третьей цивилизационной волне».

С невероятным трудом разрушив традиционализм у себя в стране сегодня, якобы ради того, чтобы ускоренно развиваться и наверстывать упущенное, якобы ради вхождения в мировую цивилизацию, не окажемся ли мы в очередном, еще более глубоком «застое», не окажемся ли выброшенными из стремительно развивающейся цивилизации вместо того, чтобы войти в нее?! И неужели для нашего общества нет иного пути, кроме встраивания именно в «хвост» мировой цивилизации?

Неужели мы не можем двигаться, меняя трассу таким образом, чтобы «сойтись» в начале XXI века, осуществляя *позитивную* конвергенцию взамен *негативной?!*

Эти вопросы впервые встали перед каждым, кто выбрал путь политического действия в конце хрущевской либерали-

зации. С ними мы вошли в общественную жизнь 70-х годов. И сегодня каждый из нас действует, исходя из того, как именно он еще тогда на эти вопросы ответил. Но перестройка потребовала такого ответа от миллионов абсолютно неготовых к этому людей и причем в весьма и весьма сжатые сроки. А ведь множество весьма тонких, думающих, но достаточно далеко отстоявших ранее от политики людей как жили, так и живут по извечной нашей традиции, недодумывая до конца и руководствуясь некими довольно общими ориентирами.

Однако политический процесс развивается столь бурно и столь стремительно, что решать все это им рано или поздно придется. А поскольку в конечном счете от их решения зависит очень многое, то, анализируя происходящее, мы хотели бы, ничего не навязывая, создать ту базу, на которой возможно осмысление всего, что происходит сегодня, как единого *политического* процесса. Вне этого действительно *личностное* решение, действительно политическое действие попросту невозможны.

Возвращаясь к хрущевской «оттепели», мы хотим подчеркнуть, что вовсе не стремимся обелить консерваторов. Мы считали и считаем политическим самоубийством тот страшной памяти 1968 год, когда эти якобы «охранители», полагаясь на принцип «есть сырье — ума не надо», нанесли сокрушительный удар по прогрессистам, а заодно и всем прочим инакомыслящим, по сути репрессировав все будущее страны, лишив ее информационной свободы и по сути положив начало четвертому этапу становления криминальной буржуазии.

Пойдя на разрыв с интеллигенцией, уже являвшейся к этому моменту держателем ключевого ресурса — новых идей и технологий,— бюрократия, естественно, должна была адресоваться за поддержкой к массе, посулив ей некое (на деле весьма иллюзорное) повышение жизненного уровня. Попытки оздоровления экономики (так называемые «косыгинские реформы») практически мало что дали. И тогда началась эпоха торговли энергоресурсами в обмен на товары для «советских туземцев». Эта позорная эпоха заимствований, «копирования» (то есть технологического воровства), эпоха калифов на час, сумевших удержаться в течение четверти века, эпоха нарастающего маразма целиком и полностью чудовищным грузом ложится сейчас на плечи всего народа. Это шло на наших глазах, и мы за это ответственны.

Но вместе с тем мы отвергаем принцип коллективной вины, заявляем, что каждый, кто не участвовал в стихии

«брежневского канкана», кто выращивал хлеб, учил детей, писал книги без унизительных славословий, производил необходимое людям, словом, каждый нормальный человек, сохранивший нравственные критерии и чувство долга (а таких было большинство), не должен ощущать себя лично в чем-либо виновным.

Мы вправе говорить о коллективной ответственности в том только смысле, что расхлебывать заваренную четверть века назад кашу придется нам всем.

Потеряв интеллигенцию и большую часть молодежи, не имея возможности перевести страну на рельсы нового технотронного развития, осуществить эволюционный переход в новое качество, бюрократия решила вдобавок к товарным «подачкам», купленным на нефтедоллары, встать на путь вторичной индустриализации (химизация, мелиорация, стройки века, ликвидация неперспективных деревень), являющийся по сути экономическим преступлением. Не доверяя интеллигенции (к началу 70-х годов — уже и не без оснований), бюрократия стремилась инкорпорировать в свою касту узкую группу интеллектуалов-советников. Творчески бесплодная, не имеющая своей целью развитие страны, она душила и эту «группу», в интеллектуальном плане отнюдь не «лидирующую». В результате была создана программа развития, ставшая программой промышленной, сельскохозяйственной и культурной деградации. Лишенное мозга бюрократическое тело оплывало жиром и загнивало. Загнанная в подполье мысль патологизировалась и изощрялась в ненависти, доходящей до прямого признания позорного принципа «чем хуже — тем лучше». Подавление репрессивным аппаратом всяких серьезных попыток осмыслить сложившуюся ситуацию, жесточайшие идеологические табу, лежавшие не только на противоречащих официальной идеологии учениях (которые тем не менее можно было излагать под видом критики буржуазной идеологии), но и на самом марксизме, который, может быть, более всего пострадал в атмосфере давящего официоза (трагическая гибель Эвальда Ильенкова — лишь один из эпизодов этой до сих пор находящейся под спудом истории омертвления и выхолащивания марксизма),— все это привело к гангренозным изменениям. Партийно-бюрократическая структура все более вырождалась, теряла лицо, предавала интересы народа, становилась рассадником теневой идеологии и, главное, цинизма, приобретшего в середине 70-х годов характер повального бедствия. Бюрократия все больше склонялась на путь добывания жизненных благ уже не за счет продвижения по службе и связанных с этим льгот и приви-

легий, а за счет прямой продажи своих властных возможностей.

Ее «армия» распадалась на банды и кланы, которые при общем сохранении тоталитарного духа представляли из себя сначала «шайки грабителей», а затем «банды ландскнехтов».

И в этот момент произошла экономическая катастрофа. Снижение цен на энергосырье (возможно, просчитанное и запланированное) резко сократило массу товаров, с помощью которых можно было «подкармливать» население. В нормальной ситуации следствием этого оказывается повышение цен, падение жизненного уровня. Но эта мера требовала решимости, жесткости, государственного мужества. Их не было. Произошло, вместо повышения цен, частичное огосударствление черного рынка, который стал компонентом регулирования денежной массы. Обыватель мог выбирать: либо выстаивая по многу часов в очередях, выбивать дефицитный товар, либо платить втридорога и покупать из-под полы. С момента снижения цен на сырье эта альтернатива уже стала элементом новой государственной политики.

Без этого уже просто нельзя было поддерживать товарно-денежный баланс страны. В скрытой форме криминалитет стал элементом системы регулирования в сфере обращения. Он получил новый статус.

Следствием этого стал криминогенный взрыв — невиданный по масштабам альянс бюрократии с криминалитетом, сопровождающийся потерей социального иммунитета по крайней мере в большей части «среднего слоя». Барьер между социумом и слоем подпольных дельцов стал проницаемым, отношение к ним стало меняться. Одновременно иной характер стали приобретать их коммуникации с держателями властных структур. И если ранее расстановка сил была такова, что, выступая в виде феодала, коррумпированная бюрократия была заинтересована в укреплении власти, поскольку это позволяло ей дороже продавать эту власть, стричь купоны, если ранее хотя бы для такого укрепления поддерживалось некое равновесие, баланс, при котором некоррумпированная часть бюрократии использовалась коррумпированной как противовес подпольному криминалитету, то теперь баланс начал смещаться, чему, как это не покажется странным, в огромной степени способствовали порожденные перестройкой «восстания масс». В условиях «двух государств», двух экономик ослабление государства, неизбежное вследствие такого рода восстаний, приводит к усилению бандократии, ее вклиниванию в разрыв между гаснущим тоталитаризмом и примитивной демократией. Встав на путь либеральной революции и

апеллируя к освободительным движениям народных масс, либерализм оказался опрокинут их напором. Можно было бы отнести все происшедшее за счет деформаций предшествующего периода. Они действительно существовали и существуют. Накопленный за их счет гнев народа действительно стал тем «горючим материалом», который сделал возможной серию национальных и социально-классовых пожаров по всей территории СССР. Но в то же время согласованность действий, то, как мастерски использовались все дефекты массовой психологии для разжигания горючих материалов повсюду, где представлялась любая возможность «чиркнуть спичкой», тенденция к превращению единичных вспышек в один общесоюзный пожар, свидетельствуют об умелом регулировании и о том, что имеется некто, руководящий этой якобы свободно и непредсказуемо бурлящей народной стихией. Кто он?

Жупел теневой экономики быстро надоел обществу. Его больше не пугают сенсационные цифры, которыми пестрят наши газеты и журналы.

Пусть капитал теневой экономики составляет 100—150 миллиардов, как утверждает А. Бунич, пусть 200—240 миллиардов, как утверждает Т. Карягина, пусть 300—350, как указывает А. Ларьков, пусть даже 500, как угрожает Г. Макров... «Они — пугают, а нам не страшно».

В самом деле, поскольку в теневую экономику включено все, в том числе «сфера, имеющая положительную социальную направленность,— незарегистрированные виды индивидуальной трудовой деятельности, самостоятельные услуги по ведению подсобного хозяйства и строительству жилья, ремонту, обслуживанию автомобилей, бытовой техники, частному извозу, оказанию медицинской, педагогической и технической помощи нуждающимся», то — да здравствует теневая экономика!

Поскольку сюда же входят пусть преступные, но, увы, необходимые для «функционирования производства и связанные с отчуждением производителя от средств производства и результатов своего труда, монополией госсобственности, недостатками и просчетами в регулировании экономических отношений» действия, то позор системе, порождающей этот теневой механизм! Системе, стимулирующей повторный счет общественного продукта, приписки, выпуск некачественной продукции, необоснованное завышение оптовых и розничных цен, неэквивалентный обмен сырьем и готовой продукцией и все прочие мерзости, казалось бы, исчезающие сразу же после того, как рухнет неправедная система!

А за вычетом этого что остается от жупела теневой экономики? И остается ли что-нибудь?! «Кое-что» все-таки остается. По данным научно-исследовательского института МВД СССР (слава богу, теперь уже не засекреченным!), остается:

— только выявленных организованных преступлений около 1 миллиона в год. Но это мелочь, поскольку невыявленными (латентными) являются две трети совершенных преступлений, а в сфере взяточничества и хищений.— *95—97 процентов*. Теперь каждый может «прикинуть» сам. То, что речь идет о десятках миллиардов именно преступного организованного капитала, не вызывает сомнений. Далее:

— «...идет непрерывный рост особо опасных форм корыстной и, что важнее всего, корыстно насильственной преступности. Сегодня речь идет более чем *о сотне тысяч* (!) крупных преступлений такого рода — только за 1989 год». И наконец:

— «непрерывно растет и уровень участия рецидивистов в такого рода преступлениях».

Что же касается особо волнующей нас организованной преступности, то ее рост идет опережающим темпом, а структурный анализ того же НИИ МВД СССР показывает: как массовидное социальное явление организованная преступность «выступает самостоятельным элементом теневой экономики, *воспроизводящим ее на профессиональном уровне* (!)».

Это неизмеримо серьезнее взятых с потолка миллиардов. В то же время, судя по отчету, «теневая экономика образует важный элемент организованной преступности, являясь одним из источников ее ресурсного обеспечения». Очевидно, что имеет место замкнутый цикл расширенного воспроизводства» криминалитета» (то есть действительно структурированной части теневой экономики). Мы можем записать его в виде (теневая экономика) — (организованная преступность) — (теневая экономика) — штрих. Или (организованная преступность) — (теневая экономика) — (организованная преступность) — штрих.

Таким образом, мы имеем все основания говорить о высасывании ресурсов (организованном и управляемом!) из нашей и без того дистрофичной экономики, об управляемом разрушении и без того уже дышащего на ладан потребительского рынка. О том, сколько может «пропустить через себя» такой механизм, говорит масштаб компьютерных спекуляций только за 1989 год. По Москве он составил не менее миллиарда рублей чистой прибыли. Львиная часть этой суммы досталась отнюдь не «кустарям-одиночкам». И была оплачена

(по демпинговым ценам) все тем же дефицитным сырьем (так называемый бартер).

Но может быть, криминальный бизнес занят лишь экономикой и не проявляет никакого интереса к политике? Конечно же не проявляет! До тех пор, пока она не сулит стопроцентной рентабельности! Исследования наших экспертов в Закавказье показали, что на гóре беженцев криминальный капитал за счет скупки у них по сверхнизким ценам сельхозсырья и предоставления услуг по транспортировке за сверхвысокую плату получил миллиардные барыши. Есть основание предполагать сговор «враждующих» сторон и образования межнационального синдиката по сгону беженцев с выплатой дивидендов пропорционально участию в грабежах.

А если политика помогает вытеснить удачливого конкурента? Неужели этим не воспользуются?! Анализ показывает, что этим пользовались — и в сельскохозяйственных районах, и в крупных городах, и в удаленных от точки закавказского конфликта зонах (например, в Средней Азии).

Анализ показывает, что подспудно, в скрытой форме за политическими конфликтами часто проглядывает экономическая подоплека. Рынок кожи — при конфликте армянских и азербайджанских «цеховиков», борьба «хлопка и конопли» — в Средней Азии, «мандариново-чайная» война — в Грузинской ССР.

У скептически настроенного читателя может возникнуть вопрос: «А достаточно ли у нашего криминалитета сил для того, чтобы бороться с государственной структурой, включающей мощную правоохранительную систему и, наконец, Вооруженные Силы СССР?!»

По открытым и теперь уже несекретным отчетам все того же НИИ МВД, речь должна идти о примерно десяти тысячах (!) преступных формирований с включением в них до *четверти миллиона человек!* И это только ядро преступной структуры.

Для сравнения — вся преступная структура наркобизнеса в Андах «всего лишь» в четыре раза больше. А авторы отчетов НИИ МВД СССР говорят о *минимальности* такой цифры.

К сожалению (а может быть, и к счастью?!), гласность еще не дошла до того, чтобы мы могли назвать потенциал правоохранительных органов, но заверим читателя, что он «сравним» с потенциалом преступного мира. Но *не более этого!*

Что же касается вооруженных сил, то события последних двух лет показывают, как можно «сломать» этот механизм,

«отключить» его политическими методами. В Фергане войска проклинали за невмешательство, в Тбилиси и в Баку — за вмешательство. На этой почве возник и укрепился так называемый «тбилисский синдром», выражающийся в том, что солдаты и офицеры, по их словам, «боятся выстрелить даже в ответ на выстрел». «Раньше,— поясняют они,— хотя бы инстинкт самосохранения срабатывал, а теперь... Сами не знаем, что с нами происходит...»

Теперь представим себе дальнейшую дестабилизацию, развал всех составляющих механизма борьбы с преступностью и переход ее бандформирований к прямому захвату власти. Маловероятно?!

А многое ли из произошедшего за последний год казалось высоковероятным не слишком информированному гражданину СССР?! Но не будем настаивать на своем прогнозе. Попросим только читателя рассмотреть его как одну из возможностей, как одну из гипотетических моделей развития событий.

И наконец, последний из вопросов, который чаще всего задавали нам, когда удавалось обрисовать в деталях ситуацию с криминалитетом в нашей стране. Вопрос этот трогательно прост: «А куда же смотрит правительство?» Ответить на него хотелось бы контрвопросом: «А куда смотрят наши демократы?! В том числе народные депутаты РСФСР и СССР, знающие положение дел и тем не менее вращающие стрелку государственных курантов с такой конвульсивностью, что в любой момент может лопнуть пружина государственного механизма?» А куда смотрит наше «думающее большинство», зовущее к революции?! О чем оно думает?! Что творит?! Так что лучше уж не кивать на другого, а успокоиться (так как успокаиваются люди в момент серьезной опасности) и взглянуть правде в глаза. Криминалитет не «мнимая» величина, а реальная и серьезная опасность. Мы с вами на пороге большой беды.

Этнократизм с волнами погромов и репрессий, толпами беженцев, ограбленных и согнанных с земель, на которых жили их предки, антикоммунистическая истерия и искусственный дефицит, разгул насилия и призрак голода, анархия на производстве, катастрофы и эпидемии... Вдумайтесь, кто входит в наш дом! Входит хищник ничуть не менее жестокий, чем его собрат эпохи первоначального накопления. Из дебрей предкапиталистического прошлого, из эпохи пиратства и работорговли на нас глядят глаза новых властителей, ждущих своего часа. Новый претендент на гегемонию достаточно организован и терпелив для того, чтобы использовать

чужую энергию в своих интересах. Ему удается ловко манипулировать другими социальными силами. Скрыто помогая им получить политическую трибуну, он знает, что в нужный момент эти «мавры» уйдут, а он останется хозяином положения. В сложившейся критической ситуации мы считаем необходимым вскрыть механизм этих манипуляций.

4. ИДЕОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. АНТИКОММУНИЗМ

Стремясь отвлечь массы от подлинных причин политических бедствий последнего пятилетия, «радикалы» сегодня используют в качестве политической приманки антикоммунизм. Этот игрушечный, карманный «мягкий» антикоммунизм сам по себе не заслуживал бы подобного рассмотрения, если бы в спину ему не дышал антикоммунизм «твердый». По сценарию криминалитета актеры от антикоммунизма (зачастую с партийными билетами в кармане) должны только начать игру. Заканчивать ее будут другие. Всмотревшись в структуру политических сил каждого региона, мы обязательно встретим в качестве радикальной силы знакомые лица, имеющие самое близкое отношение к неофашистским организациям типа Всемирной антикоммунистической лиги (ВАКЛ) и тесными узами связанные с мировым преступным сообществом, а значит, и с «высокой преступностью» внутри нашей страны.

В совокупности эти силы и представляют интересы нового тоталитаризма, претендующего на власть после крушения либерализма. Здесь мы имеем право говорить о третьей силе, имеющей свой надгосударственный геополитический интерес. Дело в том, что, питаясь до поры со стола американских хозяев, неофашистские лидеры имеют свои цели, свою автономную геополитическую ориентацию и рассматривают США как еще одного «ялтинского хищника». Махровый антисемитизм, ориентация на черный бизнес, культ фашистских лидеров (Розенберга, Бормана, Штрассера, Гаусгоффера), изуверство, расизм — вот окончательные черты того джинна, которого могут выпустить из бутылки наши «либеральные» антикоммунисты. Выпустив, они окажутся его жертвами или заложниками.

Уже сегодня наиболее информированные еврейские общества и организации крайне встревожены ходом процесса в Прибалтике, на Западной Украине и в Молдавии, хотя в на-

чале процесса они приветствовали все, что было связано с радикальной «декоммунизацией».

Уже сегодня специалисты по политизированной международной преступности констатируют, что геополитические волны, вызванные процессом в СССР, достигают центров наркобизнеса в Гонконге и Андах, придают второе дыхание закрытым неофашистским центрам от Мексики до Тибета.

Социологические исследования, аналитические материалы, круглые столы, симпозиумы и конференции, проведенные нами за последние два года, позволяют утверждать, что установление диктатуры планируется не только консерваторами. Те же результаты дает анализ положения в области экономики. Ни один проект изменения экономического уклада не может быть осуществлен сегодня без ущемления интересов групп населения, достаточно многочисленных для того, чтобы в условиях демократии вообще, и уж тем более демократии митинговой, иметь возможность блокировать любое ущемляющее их интересы государственное решение. В том числе и передачу собственности в руки криминалитета. Только «черный путч» и «черная» диктатура способны решить ключевые проблемы второй экономики.

И если суммировать все антикоммунистические лозунги и декларации, все «сценарии», обсуждавшиеся в последнее время радикально настроенными политологами, все программы решительно настроенной элиты, так называемых «неформальных движений», то становится очевидным, что антикоммунизм для такого путча — необходимое, решающее условие, своего рода запускающий механизм, что с помощью антикоммунизма криминалитет хочет решить следующие основные задачи.

Первое. Сплотить враждующие между собой силы, создать коалицию групп, действующих против «красной идеологии».

Второе. Окончательно деморализовать общество, поскольку антикоммунизм в нашей стране равносилен глубокой культурной травме. Здесь надо говорить не просто о смене идеологии. Ни одна страна не приносила столько жертв на алтарь какой бы то ни было идеи, сколько их было возложено здесь на «красный алтарь», и коль скоро теперь возникает соблазн отбросить тот идеал, ради воплощения которого терпело крестную муку не одно поколение, ту практически религиозную идею, во имя которой брат шел на брата, следует четко осознавать, какую цену придется заплатить за такое предательство. Этой ценой станет очередная «гибель богов», влекущая за собой тот комплекс последствий, который

для данной страны равносилен концу истории. Это произойдет вне зависимости от тех эмоций, которые сегодня господствуют, вне зависимости от ориентации тех, кто рвется уничтожить «старых богов». Завтра, совершив убийство, они протрезвеют, и тогда окажется, что убито нечто неподдающееся словесным определениям, вообще находящееся вне сферы слов, но бесконечно важное для каждого из живущих в этой стране и принадлежащих этой культуре. И не в том ли действительная метацель тех, кто одобрительно похлопывает по плечу «либералов», разворачивающих антикоммунистическую истерию в стране, где в каждой семье есть либо мученики за эту идею, либо ее жертвы, а зачастую сразу и те, и другие?!

Третье. Антикоммунизм должен, далее, обеспечить индульгенцию новой власти, уже не отвечающей за все предшествующее. Он станет поводом для начала террора и обоснованием для установления жесткой диктатуры, заведомо благой, поскольку воюет с «коммунистическим злом».

Война немыслима без насилия. Альтернативы государственному и соразмерный масштабу войны механизм насилия — в руках у криминалитета. Начав войну, он сбрасывает демократов, возглавляет крестовый поход против коммунистов и легитимизирует себя в глазах экзальтированной «массы».

Четвертое. Антикоммунизм, как и любое другое «антидвижение», с расширением социальной базы неизбежно радикализируется. Призывы к Нюрнбергскому процессу над партией более чем наивны. Нюрнбергский процесс вели страны-победительницы, а не восставший народ. Опыт показывает, что в нашей стране в данных исторических условиях речь может идти только о самосудах, расправах, новых революционных тройках и трибуналах, и при благоприятном исходе событий, новом «мемориале» по поводу «жертв репрессий начала 90-х годов XX века». Доколе?! Те, кто призывает сегодня к антикоммунизму на митингах и демонстрациях, может быть одержим праведным гневом, но те, кто организуют, управляют, манипулируют,— стремятся, используя благородное негодование, повязать кровью широкие слои общества (вплоть до лозунга мобилизации на борьбу с коммунистическим злом). Примеры подобного типа «вязки» есть. И не только в нашей истории.

Пятое. Антикоммунизмом опять же — наравне с любым другим антидвижением — можно будет кормить вместо колбасы. И чем дальше будет голодать народ, тем выше будет

накал антикоммунизма. И снова можно говорить об исторических аналогиях. Радость по поводу расправы со вчерашними «коммунистическими буржуями», мысль о том, что как ни плохо тебе живется, но «им», «тем» — еще хуже, страх перед властью, с которой шутки плохи, словом, все худшее из того, что есть в народе,— сотрет слабые неустойчивые рефлексы самоуважения и воли к независимости.

Трагедия нашего общества состоит в его неумении, а главное, нежелании логически мыслить, в его неумении проводить хотя бы исторические параллели не на уровне лозунгов и пожеланий, а на уровне социальных технологий, применяемых для оболванивания народных масс.

Легко заражаясь благородным негодованием, впадая в экстатическое состояние, оно, естественно, теряет остатки столь необходимого ему сегодня рационализма, являющегося одним из великих достижений той самой, западной цивилизации.

Пусть даже коммунизм и является злом, но кто сказал, что тот, кто с ним борется, не несет с собой еще большее зло?! «Враг моего врага — совсем не обязательно друг мне». За неумение усвоить эту логическую аксиому придется, возможно, очень дорого заплатить.

5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. РЫНОЧНЫЙ УТОПИЗМ, БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ МАФИИ

От копирования электронно-вычислительных машин, моделей одежды и культурных стереотипов наша страна переходит сегодня к тотальной социально-политической имитации, пытаясь устроить «все как у них» и в обмене на это получить «их» качество жизни.

Не полемизируя по поводу правомочности постановки подобной задачи, мы постараемся указать только на то, что средства, предлагаемые обществу, на самом деле не обеспечивают сколько-нибудь приемлемого ее решения.

Трансплантировать в нашу социальную ткань, не разрушая ее, десятки тысяч социальных, экономических и хозяйственных институтов, обеспечивающих эффективность современного рынка, невозможно. При «пересадке» уже второго или третьего элемента существующая экономика рухнет.

Мы не сумеем осуществить в том виде, в каком существуем сегодня, даже нормального контроля над доходами юридических и физических лиц, необходимого для адекватного налогообложения. Тем более утопично построение сколько-нибудь эквивалентного западному рынка с фондовой биржей, ценными бумагами, механизмом регулирования финансовой деятельности, эффективным антимонопольным законодательством и пр.

Добив существующую экономику, не добившись вожделенных западных инвестиций (необходимы минимум двести миллиардов долларов только на ближайшие три года на то, чтобы хотя бы не вызвать повального голода и эпидемий), мы в итоге обретем «черный рынок» в общенациональном масштабе, на котором начнется схватка не на жизнь, а на смерть между двумя силами, стремящимися не к тому, чтобы создать эффективную экономику, на уровне требований конца XX века, а к тому, чтобы попросту побольше урвать, скупить по дешевке или присвоить из того, что имеет ценность для дальнейшей перепродажи на Запад. Силами этими будут бюрократия, способная к выпуску «ценных бумаг» — постановлений с предоставлением льготных условий представителям своей касты, и криминальная буржуазия, обладающая большим финансовым и преступным могуществом. Учитывая карту антикоммунизма, мы имеем право ожидать победу криминалитета и полного поражения «коммунистической» бюрократии, скорее всего далеко не бескровного.

Таким образом, страна, вставшая на путь имитации, получит даже не бюрократический капитализм (меньшее из двух зол), а именно установление неограниченного господства криминальной буржуазии, или, пользуясь общепринятым международным термином, так называемое огосударствление мафии.

Тем, кто считает, что новый хозяин начнет интенсивно производить общественно необходимую продукцию, мы вынуждены напомнить, что вторая экономика по сути ничем не отличается от первой, что она столь же монопольна, столь же экстенсивна, столь же ориентирована на получение прибыли. Мы приобретем всего лишь перекрашенные идеологические фасады, понижение уровня жизни и новых, еще более жестоких хозяев, теперь уже не сдерживаемых даже страхом потерять место в высокой страте. Миф о том, что *любая* экономика, построенная на частной собственности, эффективна, принадлежит к числу наиболее ярких химер перестроечного сознания. А как же страны «третьего» и, главное, «четвертого» мира? Эффективна ли их частнособственническая эко-

номика? Анализируя их опыт, мы видим, что огосударствление мафии предполагает:

Первое. Бедствие, разруху, острый дефицит всего жизненно необходимого, социальную прострацию населения.

Второе. Выкачку у населения всех финансовых сбережений, всех материальных ценностей за счет монопольно высоких цен на все, что обеспечивает выживание (в связи с этим особо пристального внимания заслуживает ситуация «сгона» 500 тысяч беженцев в Азербайджане, Армении с экспроприацией их имущества на сумму в несколько миллиардов рублей. Наши исследования показали, что именно в этом случае скупить можно все, обладающее ценностью, по минимально низкой, бросовой цене (или же экспроприировать, апеллируя к отстаиванию национальных интересов), а продать свои услуги по обеспечению выживания (медикаменты, транспорт, «защита») по цене *монопольно высокой).* Для любителей рыночной экономики подобный пример есть демонстрация возможной модели рынка в СССР в условиях огосударствления мафии. Достаточно 500 тысяч беженцев превратить в 20—25 миллионов. В условиях распада территории это вполне реально.

Третье. Интенсивное вовлечение максимально широких слоев населения в «черное производство», включающее наркотики, проституцию, продажу детей, вывоз органов и биологической ткани для трансплантации, предоставление человеческого материала для аморальных, биологически и психологически вредных экспериментов над людьми, порнобизнес, убийства за плату и другие виды деятельности, обеспечивающие сверхприбыль при относительно низкоквалифицированном и нетрудоемком труде надсмотрщиков и контролеров (из числа лиц, имеющих опыт работы в концлагерях как по ту, так и по эту сторону колючей проволоки). Это может быть объявлено сгущением красок лишь теми, кто совсем не знаком с экономикой «третьего» и «четвертого» миров и кто слишком оптимистично оценивает сегодняшнее положение нашего рынка. На самом деле он настолько «болен», что позволяет сделать самые пессимистические прогнозы, по отношению к которым любой фильм ужасов покажется легкой и сентиментальной комедией. Кстати, факты показывают, что криминалитет давно уже готовится к такому развороту событий. Криминализация молодежи, проводимая по единому плану (Казань, Набережные Челны и другие центры интенсивной криминализации), имеет далеко идущие цели. Нетрудно представить себе усиление этой тенденции в условиях огосударствления мафии, учитывая, что криминализован-

ный слой в целом составляет не менее 15 процентов населения страны, сопоставляя нашу ситуацию с ситуацией в странах с классической криминально-государственной структурой (так называемая «колумбийская модель») и беря поправку на социальные последствия сброса ценностей и установок предшествующего периода.

Четвертое. Только насытив «черную экономику», криминалитет перейдет к наиболее трудоемким и примитивным формам эксплуатации наемного труда в строительстве («сицилийская модель») и в аграрном труде («латифундистский метод»). В последнем случае ставка будет сделана на трудоемкий труд в пределах рентабельной монокультуры. Узбеки, например, окончательно будут «охлоплены».

Пятое. Дальнейший переход на более высокие этажи «белой экономики» будет связан с борьбой населения, оформлением профсоюзного движения, избыточными трудовыми и финансовыми ресурсами, не включаемыми в преступный бизнес, и другими факторами, обеспечивающими постепенное выползание из регрессивной ямы, в которую криминалитет неизбежно загонит общество. Эмиграция, неизбежный распад страны, террор и деградация «туземного населения» затруднят этот выход. В целом прогрессивный рыночный утопизм стимулирует в наших социальных условиях стремительный регресс к формам предкапиталистической эпохи (первоначальному накоплению), и уже после этого начнутся робкие попытки ощупью продвигаться в сторону капитализма начала XIX столетия. К 2010-му году мы доберемся, возможно, до восстания лионских ткачей.

Мы вновь убеждаемся, что декларация и реальное содержание социального проекта находятся в противофазе.

Декларируемая утопия сулит легкое вхождение в мировую цивилизацию (вначале вообще без издержек, по мере приближения утопии к моменту своего воплощения издержки растут, но у общества уже и не спрашивают, согласно ли оно их уплатить) в минимально короткие сроки (сначала, как только избавимся от плановости, затем — через недолгий переходный период, потом — вплоть до пришествия светлого будущего).

Реальный социальный проект обеспечивает как раз обратное: скорейшее выпадение из мировой цивилизации, фактически навсегда, и «выдвижение» СССР вместе с Центральной Африкой и рядом других стран «третьего» мира на роль крайнего аутсайдера, подневольного раба технотронной цивилизации. Обществу очень хочется, чтобы по мановению волшебной палочки все стало «как там, на Западе», разумеет-

ся, только в сфере потребления, а не в сфере труда и рационального программирования своей деятельности.

Заявляя в ответ на аргументы, показывающие, что подобный переход невозможен, упрямое «если нельзя, но очень хочется, то можно», оно обрекает себя на страшное разочарование.

6. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. АНТИЦЕНТРИЗМ, НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ И ЭТНОКРАТИЗМ

Антикоммунизм связан с атакой на бюрократию как носителя «преступной» идеологии. Национал-демократизм атакует ее же, но по линии государственной, как носителя централистских, «имперских» тенденций. Вне национал-демократизма антикоммунизм не смог бы с такой активностью поднять на борьбу достаточно аполитичное население страны. Вне антикоммунизма национал-демократизм не сумел бы отсечь национальную бюрократию от руководства процессами в регионах к тому моменту, как встал вопрос о смене государственной власти. Таким образом, мы можем говорить о двух взаимосогласованных процессах, реализующих общую цель. И подобно тому как рыночный утопизм сулил золотые горы в обмен на отход от директивности управления отраслями, антицентризм обещал скачок жизненного уровня за счет отхода от директивности управления регионами. Как в первом, так и во втором случае при наличии определенного чувства меры такие преобразования могли дать определенный, хотя и весьма ограниченный эффект.

Но представим себе пианиста, который, играя сложную классическую музыку, начал бы вдруг, вместо мягких прикосновений пальцами к фортепианным клавишам, что есть сил барабанить по ним кулаком, уверяя, что так громче, а значит, и лучше. Такого пианиста немедленно увезли бы в сумасшедший дом. В экономике ничего подобного не произошло, и тотальный регионализм, противоречащий всем мировым тенденциям экономического развития, заведомо пагубный, был провозглашен новым словом в развитии социалистической экономики.

Регионализация, однако, могла бы быть отнесена к разряду очередных бесплодных аппаратных экспериментов, на этот раз в духе демократизации, если бы в резонанс с ней не сработало национал-демократическое движение. Начатое национальной интеллигенцией, оно на первых порах опять же

имело либеральный характер и всего лишь «раскачивало» процесс за счет энергии «собственных» колебаний, неизбежных при снятии деформаций предшествующего периода. Однако вскоре эта энергия начала собираться и направляться в строго определенное русло, а собственные колебания (обреченные на затухание) приобрели характер «вынужденных» с быстро растущей амплитудой. Элита национальной интеллигенции была отодвинута как недостаточно радикальная и демократическая, и ее место заняла новая генерация лидеров из числа интеллигенции, не принадлежавшей к высшему слою и не скомпрометированной сотрудничеством со старой властью.

Радикализация лозунгов, требования национального суверенитета (пока расплывчатые), ставка на открытый национализм и радикальные методы решения межнациональных конфликтов начали принимать направленный характер, а растущий объем деятельности, уже немыслимый без многочисленных профессионалов, серьезных затрат на средства массовой информации, потребовал экономической поддержки. Это катализировало диалог политических радикалов с экономическими спонсорами из числа радикально ориентированных представителей национальной криминальной буржуазии. Сходный процесс шел во всех национально-освободительных движениях с той лишь разницей, что буржуазия там не принадлежала к криминальному сообществу, но известно, что платящий деньги заказывает музыку. В итоге процесс перешел на позиции «мягкой этнократичности», пока еще без жестких лозунгов о приоритете коренного населения и выселении инородцев, но с четким акцентом на идее национальной исключительности и экспансии в духе буржуазного национализма досоветского периода. Такой «мягкий» этнократизм, подобно «мягкому» антикоммунизму, был пригоден только для одной цели — открыть шлюзы для этнократизма «твердого», то есть все того же неофашизма, ведущего к власти сильную личность по известной логике: «Одна земля, один народ, один вождь». С точки зрения регионального криминалитета, такая формула несла в себе огромный потенциал, позволяя решить ряд важных политических, экономических и социальных задач.

Первое. Она обеспечивала приход сильной личности, этнопатрональную диктатуру, твердую власть, способную закрепить новый статус привилегированного сословия, обеспечить передачу и фиксацию крупной частной собственности в нужном направлении.

Второе. Она позволяла потеснить партийных феодалов

(не способных идти на острую конфронтацию с центром) и местную финансовую олигархию, остро нуждающуюся в хорошо отлаженных связях с центром.

Третье. Она обеспечивала приоритет «своих» над «чужими» по этническому принципу, а значит, камуфлировала эксплуатацию «своих» «своими» по классической схеме Третьего рейха, сделавшего «козлом отпущения» евреев. Здесь ими могли стать русские, азербайджанцы, евреи, гагаузы, неважно кто, лишь бы польстить амбициям «коренников». На этой основе построены все этнопатрональные системы. Поскольку классический вариант подобной организации общества — Нигерия, то мы назовем такой способ укрепления социальной базы «нигерийской моделью».

Четвертое. Она обеспечивала круговую поруку, позволяла развязать террор и насилие, блокировала механизм репрессий и контроля центра.

В целом с момента выхода на арену «твердого» антикоммунизма и этнократизма процессы пересеклись, вошли в резонанс и обнаружили окончательно и бесповоротно один, в подлинном смысле этого слова неофашистский знаменатель.

Говоря о неофашизме, мы в данном случае употребляем этот термин в его действительном, прямом геополитическом значении, а не как некую аллегорию. К сожалению, это явление получило в СССР недостаточно широкое освещение и такие классические компоненты новой фашистской глобалистики, как Срединная Европа (в противовес объединенной по англо-американскому варианту Европе Тэтчер и Миттерана), «биогуманизм», адресующий к новым евгеническим теориям и противопоставляющий себя «техномарксизму», последовательный «антиимпериализм», «антиамериканизм» с поддержкой любых сил, борющихся против сговора «ялтинских хищников», сознательно сделанная ставка именно на преступный бизнес, и прежде всего наркоманию, определенный тип включенности в экологическое и антивоенное движение, культивирование определенных форм суб- и контркультуры, ориентированных впрямую на сатанизм, оккультно-мистический ренессанс и ориентация на сброс христианства как религии слабых — все это остается в нашем обществе без подробного описания, несмотря на рост публикаций на эту тему в Европе, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, где процесс исследуется и описывается самым тщательным образом. Рядовому советскому обывателю сегодня гораздо больше говорят о «мафии КПСС», чем о «мафии СС», зачастую радостно рифмуя эти два понятия. В результате — весь цикл исследований, проведенных на Западе по по-

воду действительного содержания мафии СС как геополитической структуры, остается вне поля зрения советской общественности, хотя это могло бы много прояснить в действительном содержании происходящих геополитических изменений.

Горячо обсуждаемая сегодня идея выхода Ленинграда из состава СССР и его вхождения в так называемую «Балтию», намечаемые контуры этой новой государственной единицы, слишком похожие на тот «Остланд», который Гитлер планировал ввести в состав Третьего рейха, объявление национальными героями эсэсовцев (Литва, Латвия, Эстония), Бандеры и бандеровцев (Западная Украина), железногвардейцев (Молдавия), лидеров татарских военизированных формирований и белорусских националистов крайнего толка не могут не вызывать беспокойства.

Мы вовсе не хотим огульно зачислять в неофашисты всех национал-либералов и даже всех сепаратистов, поскольку спектр политических движений, сил, умонастроений весьма широк. Мы просто констатируем рост именно этой компоненты. За последние несколько лет мы фиксируем мутацию национально-освободительных движений в сторону неофашизма (в религии, идеологии, типе символики, культуре, международной ориентации).

В плане социально-психологическом такая тенденция вполне закономерна, поскольку демонтаж коммунистической идеологии шел и продолжает идти с использованием техники культурного шока, с сохранением *логики тоталитарного сознания* при замене только субстрата, наполняющего эти тоталитарные формы, но без малейшей попытки разрушить сам тип тоталитарного мышления. В этих условиях любой борец с коммунизмом автоматически героизируется, а любая контрастная коммунистической, тоталитарная идеология близка и желанна, поскольку соответствует структуре тоталитарного сознания.

В плане геополитическом — чем более стремительно и катастрофически будет идти процесс «обрушения» СССР, тем больше шансов на опрокидывание геополитического баланса с выходом на арену неофашизма именно как «третьей силы», восстановлением альянсов «осей» и союзов конца 30-х годов и в Европе и во всем мире. В этом смысле вся геополитическая концепция, базирующаяся на «линейной» конфронтации СССР — США, плане игры по «обрушению» одномерного противника, сама подвергается стремительному обрушению.

Анализ оценок, даваемых процессам в СССР «новыми правыми» во Франции и Германии, говорит о том, что пробуждение правых и ультраправых сил в Европе связывается с

«геополитическими волнами из СССР» и что ставка на рост влияния этих сил в Европе связана с технологией обрушения колосса на глиняных ногах, именно с технологией (темпом, последовательностью, степенью радикализации), а не с обрушением как таковым.

В этой сложной и крайне тяжелой для страны ситуации нас беспокоит та легкость, с которой из всего неофашистского спектра оказалась вычленена и в скандализированной форме предъявлена массовому сознанию «русско-фашистско-коммунистическая угроза». Инициатива шла из Прибалтики, где именно в это время происходила усиленная консолидация бывших эсэсовских частей и формирований.

Инициатива оказалась подхваченной широким спектром общественных течений столь активно, что на сегодняшний день на вопрос о том, что такое неофашизм, носитель политизированной масскультуры ответит: «Память, Память и еще раз Память».

На деле «Память», выдвигаемая как образец русского фашизма,— это действительно русский вариант этнократизма в двух его комбинациях: «мягкой», либеральной и «твердой» или, как любит говорить сама «Память»,— «крутой». В последнем случае имеет смысл говорить о русском неофашизме в его так называемой «харбинской» (названо по аналогии с русским фашизмом 20-х годов) разновидности.

Вероятность прихода к власти этой разновидности фашизма достаточна велика. И где-нибудь на территории от Смоленска до Симбирска «твердая» русская этнократия получит тем большую возможность реализовать шовинистический бред барона Унгерна, чем выше станет накал других националистических движений, чем больше будет масштаб сгона русскоязычного населения, чем более бедственным будет его положение, чем стремительнее станет ухудшаться экономическое положение России, чем более очевидной станет потеря ею статуса сверхдержавы.

Что касается «мягкой» русской этнократии, то она по своим методам неотличима от либеральной этнократии армянской, азербайджанской, литовской, узбекской и др.

Те же выкрики о том, что к гибели привели коммунисты, тот же (не больший и не меньший, чем в литовском или латвийском варианте) антисемитизм, камуфлируемый под антисионизм, те же «сны» о докоммунистическом величии. Практически то же самое происходит и в этнократизме еврейском. Мягкий, сионистский сценарий — это вся мифология избранности еврейского народа, а подлинный, жесткий вариант, общества «Бнай Брит» или «Хагана»,— откровенно неофа-

шистский и прекрасно корреспондируется со всеми другими «твердыми» этнократами, включая русских, немецких, украинских, белорусских и пр. Антисемитизм здесь не помеха, равно как и память о геноциде. Здесь другие ценности, другая вера, другие принципы в формировании союзов и блоков. Блокировать неофашизм, «твердый» этнократизм можно лишь сразу, вкупе, во всех его разновидностях, резко отделив от нормального патриотизма, лишив национальной ауры,— в принципе!

Но протягивая руку бывшим эсэсовцам из числа тех, что истребляли десятки, сотни тысяч евреев, как можно после этого лепетать о русском фашизме?!

В случае поддержки хорватских усташей, румынских железногвардейцев, соратников Лебедя и Стецько на Украине, логически неизбежна и поддержка «Памяти», в ее наиболее экстремистской и обнаженной форме.

Присутствуя на акциях, проводимых некоторыми радикально настроенными демократами, видишь, что обструкции им со стороны их оппонентов из радикальной фракции так называемого «патриотического» лагеря, происходящие в ходе большинства таких скандализируемых встреч,— это тот перец, та острая приправа, без которой лишились бы большей части привлекательности демократические «шоу», и невольно задаешься вопросом о наличии единой «режиссуры» всех этих «массовых представлений».

Техника правого путча требует наличия «красных бригад», неких ультралевых сил, управляемых из того же центра, что и крайне правые элементы, и служащих одному, высшему криминальному ведомству.

Мы хотели бы остановить внимание общества на ряде событий, о которых сегодня почему-то предпочитают молчать в так называемом демократическом лагере: о возрождении общества друзей Дмитрия Касмовича и Джона Косяка в Белоруссии, Ярослава Стецько и Миколы Лебедя на Украине, организации Данагаус Ванаги в Латвии, Народно-трудового союза и о других семенах махрового фашизма и антисемитизма, дающих сегодня обширные всходы во всех уголках нашей необъятной родины. Мы хотели бы отметить глубокую тревогу многочисленных еврейских обществ и организаций всеми этими политическими новообразованиями и одновременно активную поддержку новых фашистов и расистов со стороны печально известной во всем мире организации «Бнай Брит». Мы хотели бы напомнить об избиениях сербского и еврейского населения хорватскими усташами в 1941 году, настолько невообразимо свирепых, что этому ужасу пытались

воспрепятствовать войска Муссолини; об истреблениях более миллиона еврейского населения на Украине и ста тысяч человек — только в городе Львове частями ОУН/б, прославляемыми сейчас в качестве «борцов с коммунизмом» и «патриотов», о коже, сдираемой заживо с еврейских детей железной гвардией в Румынии в печально известную осень 1940 года. Словом, о подвигах всех, кто сегодня называет себя борцами с коммунистическими режимами. И если протест против инцидента в ЦДЛ станет в один ряд с протестом против вспышек расизма, неофашизма *во всех регионах*, то мы приветствуем такую активность. Но если и оуновцы, и усташи, и железногвардейцы, и латвийские ястребы активнейшим образом отмываются, а единственным темным пятном становится только лишь русский фашизм, то мы вправе поставить вопрос о сокрытии масштаба неофашистской угрозы под видом борьбы с нею. Кем и во имя чего?

Политическая честность и интересы подлинной демократии требуют прекратить деление этнократов на добрых литовцев и злых русских, цивилизованных грузин и диких азербайджанцев, благородных эстонцев и свирепых узбеков. Необходимо со всей определенностью заявить, что там, где речь идет об этнократизме,— *«все хуже»*.

7. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

Начиная с середины 70-х годов в трудах немецких, итальянских и французских политологов начинает исследоваться стратегия и тактика так называемой «революции справа», выдвигаемой на повестку дня теоретиками «новых правых». По сути, речь идет о техниках манипулирования общественным сознанием с поэтапной сменой лозунгов и политических лидеров таким образом, чтобы в конечном счете иметь возможность установить неофашистскую диктатуру. Исследования процессов в различных регионах СССР, их сопоставление, системный анализ позволяют утверждать, что эволюция политического процесса происходит в рамках подобных техник, манипуляций.

Цель этих техник в том, чтобы заставить народ как бы свободно, как бы в порядке собственного волеизъявления посадить себе на шею новых властителей. Бороться с этим можно, лишь вскрывая подоплеку, обнажая логику, отслеживая

единый процесс там, где обыденное сознание видит лишь отдельные, никак не связанные друг с другом элементы.

В этом смысле мы считаем принципиально важным продемонстрировать единую схему продвижения к власти криминальной буржуазии с использованием «массы» в качестве силы, прокладывающей путь. Вне зависимости от того, идет ли речь о национальном, социальном или каком-либо другом «регистре» массового сознания, манипуляция строится по общей схеме, содержащей шесть основных этапов и следующих друг за другом с железной закономерностью, указывающей на их выстроенность в единую цепь.

Первый этап. Предъявление власти морально-этических претензий. Критика возглавляется лицами, известными народу, имеющими общественный авторитет и выступающими под лозунгом осуждения злых властителей. Здесь имеет смысл говорить о морализаторской фазе разогрева народной магмы. По положению в обществе критикующие принадлежат к фрондирующей элите, их цель — смена конкретных руководителей. Этап заканчивается решением этой задачи.

Второй этап. В массовое сознание вбрасывается новый блок требований, выходящих за компетенцию нового руководства. Придя на волне народного возмущения, новая власть обещает то, что на деле не в состоянии выполнить. Исходя из этого формулируется новый, *качественно иной* блок критики. Образ «злого властителя» заменяется образом «злой силы». В качестве оной может выступать аппарат, тип экономики, централизм или любой другой принцип построения существующего типа власти.

Формулируется альтернативная «злой силе» добрая, светлая идея (чаще всего утопичная). В этом смысле от фазы морализаторства процесс переходит на стадию идеологизации.

В качестве силы добра могут выступать демократия, регионализм, рынок или любой другой «расковывающий» принцип. Носителями идеологии становятся лидеры новой волны, чаще всего из слоев, не имевших ранее доступа к власти. Выдвигаются требования о передаче власти (пока частично) носителям новой идеологии, поначалу всего лишь вносящей некие коррективы в предшествующую. Создаются альтернативные структуры, поначалу как бы лишь помогающие основным. Идет спонсирование этих структур, а значит, неизбежное вклинивание в них нужных людей из числа работников «криминального ведомства», до поры выступающих в прислуживающей роли.

Критика, обнажающая несостоятельность существующего принципа управления и лиц, его представляющих, именно

как носителей этого принципа, накаляется. Они перестают контролировать ситуацию и вынуждены идти на уступки. Возникает система двоевластия, неустойчивая, как и любая компромиссная система.

Третий этап. Система частично теряет управление, положение ухудшается, недовольство усиливается. В этой ситуации новые лидеры объясняют кризисность ситуации наличием системы «двух властей» и требуют предоставить им всю полноту власти. Идеология из стадии внесения коррективов переходит в стадию отчетливой альтернативности идеологии предшествующего периода (социалистический рынок трансформируется в регулируемый рынок, конфедерация меняется на суверенитет, создание социализма с человеческим лицом превращается в создание предпосылок для вхождения в цивилизацию и т. д.). Прежняя власть сходит со сцены. Фаза идеологическая переходит в фазу парламентарно-политическую. Лидеры новой волны оказываются лицом к лицу с проблемой осуществления так называемых «непопулярных мер». Положение народа в очередной раз ухудшается.

Четвертый этап. Принятие непопулярных мер входит в противоречие с принципом народовластия. Недовольство масс нарастает. Страх потери популярности толкает новых лидеров на путь формирования «образа врага». Недовольство направляется в русло борьбы с врагами (национально-государственными, классово-экономическими, идеолого-политическими). Борьба предполагает насилие, перед которым парламентские лидеры пасуют. Для жесткой системы насилия выдвигаются новые лидеры из числа лиц, сильнее всего пострадавших в предшествующий период, а также «сильных личностей» криминального и субкриминального типов. Борьба морально возвышает эту криминальность и придает ей романтический оттенок. Из парламентской фазы процесс переходит в фазу народных восстаний, войн за освобождение, революции и тому подобного.

Пятый этап. Неизбежная вследствие этого разруха и вызванное ею разочарование, отчаяние, прострация населения.

Шестой этап. Твердая власть неофашистской хунты, выступающей под лозунгом наведения порядка и приветствуемой населением.

Таков в общих чертах план большой игры, где идет согласованное использование разнообразных политических, идеологических, экономических, государственно-правовых стереотипов, имеющих целью приход к власти. Это и только это является конечной целью, казалось бы, алогичной и противо-

речиво сложной, а на деле простой и неотвратимо логичной «игры в демократию».

Сегодня общественные умонастроения в огромной степени движутся в русле подражательного рефлекса, свойственного детям. Раз там у них, у взрослых, все хорошо, то давайте и мы у себя так сделаем. Эта воспроизводимая уже не первый раз логика игры в «дочки-матери» на самом деле и является основным фактором торможения в развитии нашего общества. Никто не ставит перед собой вопрос о социальных издержках такой имитационной игры и о реальных ее результатах.

Сегодня вопрос не в том, хорош ли коммунизм и плох ли капитализм, а в том, к каким результатам может привести либерализация там, где нет «гражданского общества». Разрушение традиционного общества отнюдь не означает построения общества гражданского. «На обломках красного самовластья» сегодня можно выстроить только концлагеря криминального капитализма, базирующегося на господстве «черной экономики», «твердого» антикоммунизма и жесткого этнократизма.

Последствием такого переустройства нашего общества явилось бы действительное превращение одной шестой части земного шара в «империю зла», «континент преступности», «язву на теле всего человечества».

Ни жителям страны, ни человечеству не станет при этом легче от того, что такое преобразование будет вдохновляться благородными, ультрадемократическими порывами и благородным подлинным негодованием широких масс по отношению к чаще всего подлинным источникам их социального страдания и бедствия.

Что же касается преимуществ (выставляемых напоказ) и недостатков (которых просто не может не быть постольку, поскольку за все необходимо платить, ничто не дается даром) тех высокоразвитых стран «первого мира», с которыми нас все время сопоставляют (безусловно, не в нашу пользу), то мы считаем их обсуждение просто политически неактуальным.

Мы готовы заведомо признать, что «там» все устроено замечательно, что «там» последний нищий счастливее нашего богача. Но от того, что «там», у них все замечательно, «нам», что называется, ни жарко ни холодно. Да, мы потерпели поражение в конкурентной борьбе с Западом. Что теперь?! Предлагая обществу свою программу действий, мы постараемся осмыслить корни этого поражения. И определить наш, трагически сложный, но возможный путь к нормальной жиз-

ни в нормальном обществе. Этот путь не может быть путем капитуляции, отречения от самих себя.

Это только кажется самым легким, естественным выходом. На деле капитуляция, лишив нас того немногого, что мы имеем, в очередной раз превратит нас в новых аргонавтов нового ада.

8. ФУНДАМЕНТАЛИСТСКИЙ БУНТ ПРОТИВ ИГА КРИМИНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

Почуяв запах крови, уже наметив жертву и преследуя ее с упорством хищника, руководимого идущим из бездны доисторического прошлого инстинктом насилия, криминальный зверь уже ломится в нашу дверь, в то время как мы, вместо того, чтобы защищаться, рассуждаем, какое это будет симпатичное и полезное домашнее, ручное животное *«после того, как мы отопрем ему дверь»*.

Но часть населения, почуяв неладное, в панике готова уже взбунтоваться. Растет ностальгия по предшествующему периоду, как сталинскому, так и брежневскому. Она и дальше будет расти по мере обнищания населения. Место демонизации прошлого все чаще будет занимать его романтизация, и товарищ Сталин, третируемый прогрессистами, все больше станет приобретать черты национального героя в среде политических фундаменталистов, предъявляющих в качестве альтернативы реальному капитализму в СССР стратегию подмораживания, возврата к принципам жизни предшествующего периода.

Не сознавая неизбежности радикальных перемен в радикально меняющейся жизни, не ощущая прихода новой всемирно исторической эпохи, в которой их ностальгические призывы и лозунги равносильны бунтарству рабочих, разрушавших машины, или крестьян, восстававших против посадки картофеля, эти силы играют на руку своим политическим противникам, выставляя себя как единственную альтернативу бездумному прогрессизму, охваченному «капиталистическим энтузиазмом», дают моральное право на террор, дабы «не допустить возврата к сталинизму».

И хотя фундаментализм нравственно все же выше чудовищной мимикрии вчерашних ревнителей социалистических идеалов и его стремление «не поступиться принципами», возможно, абсолютно искренно и в моральном плане заслуживает всяческого уважения. Но в политическом плане *фунда-*

ментализм мертв, и, даже воскреснув под давлением «исторической катастрофы», вызванной бездумной и бессмысленной ломкой традиций, он не сможет решить ключевых проблем страны, не сможет разрешить главных противоречий, объективно приведших к позору «застойного периода». Более того, фундаментализм апеллирует к той же логике потребительства, согласно которой при Брежневе-де «хоть что-то можно было купить», а при Сталине «был порядок».

Возникает естественный вопрос о том, чем такая логика отличается от логики потребительства, согласно которой колбасу можно получить лишь в случае демонтажа коммунистической идеологии, экономики и государственности. Неужели только тем, что хотя такая колбаса вкуснее, но брежневская — реальнее и что «лучше синица в руках, чем журавль в небе»?

Заявляя набор наскоро реставрированных клише и штампов предшествующего периода, все чаще сворачивая с пути интернационализма, необходимого сегодня, как никогда ранее, фундаменталисты дискредитируют идею сопротивления капиталистической криминализации страны тем, что позволяют своим противникам в очередной раз заявить, что-де, мол, «либо — либо» и что «третьего не дано».

Но мы убеждены в том, что в качестве шанса на выход из тупика нашей стране «дано» как раз только лишь нечто «третье», кардинально отличное и от прозападного популизма, и от политического фундаментализма, базирующееся на подлинной демократии, понимаемой нами как способность общества сформулировать заказ на управление собой в своих же собственных интересах; единстве традиций и прогресса, а не противопоставлении этих двух составляющих любого нормального развития любого нормального общества, и наконец, на гуманизме, понимаемом в высоком, вселенском плане, как утверждение особой значимости бытия человека во Вселенной, что для нас и составляет реальное содержание извращенного нашими обществоведами великого понятия — «коммунизм».

И мы готовы представить обществу нашу модель выхода из тупика, основанную на этих принципах.

9. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Одним из самых трагикомических явлений нашей сегодняшней действительности является тот факт, что ни одна из сил, декларирующих свою приверженность социалистическим

идеалам, будь то многочисленные платформы внутри КПСС или же силы вне ее, не удосуживается определить возможности социализма (не говоря уже о коммунизме) применительно к требованиям новой исторической эпохи и хотя бы контурно обрисовать будущее этого строя, его постперестроечный потенциал.

Вместе с тем прямого заявления о капитуляции тоже не происходит, по-видимому, из опасения серьезности тех политических выводов, которые должны были бы последовать за подобным заявлением.

Но на фоне процессов в Восточной Европе, Прибалтике, Закавказье, Молдавии, на Украине, в Средней Азии, на фоне итогов выборов, отражающих состояние общественного сознания и фиксирующих полную победу «апологетически капиталистических сил» в двух столицах — Москве и Ленинграде, на фоне отсутствия целевых программ, конструктивных концептуальных разработок, говорящих о перспективах социализма в нашей стране, общество делает вывод. Молчание — знак согласия. Не признанная еще де-юре, капитуляция становится признанной де-факто. Идеологически травмированное, невротизированное и постоянно получающее новые порции свидетельств о том, как именно его околпачили, оставили в дураках, общество теряет инстинкт самосохранения, перестает всерьез думать о завтрашнем дне, впадает в состояние паники и коллективного психоза. Труд теряет окончательно всякую привлекательность. Политическая истерика парализует и без того близкую к развалу экономику. Люди хватаются за любой, самый недоброкачественный политический наркотик, лишь бы хоть временно заглушить боль, причиненную идеологической травмой. В этом смысле расхватываемые толпой по десять рублей ксерокопии «Протоколов сионских мудрецов», «трудов» Генри Форда и других печально известных сочинений подобного рода есть, в принципе и по большому счету, лишь следствие разрушительных операций наших радикал-либералов, создавших травму, но то ли не желающих отвечать за ее последствия, то ли просто не способных выстроить причинно-следственную связь, осознать логику сближения крайностей, парадоксальных взаимопорождений.

Рассуждающим об идеологической «шокотерапии» следует помнить о неизбежных издержках такого весьма опасного способа лечения тоталитарного сознания в условиях экономического кризиса. Мы диагностируем опаснейший тип идеологического заболевания, возникший в результате «шокотерапии»,— идеологический «синдром», поразивший, как это ни

прискорбно, *большую часть общества.* Такой «синдром», возникший в результате осознания своего общества как заведомо третьесортного, проигравшего другому, более сильному, осознания, происходящего внезапно и с силой психологического шока, имеет название: «колониальный».

«Колониальный синдром» предполагает стремительную поляризацию общества на фундаменталистов и прогрессистов, он предполагает замену анализа и поиска выхода из тупика, с одной стороны, канонизацией своего прошлого, кичливым самовосхвалением, сопровождаемым демонизацией своих противников, с другой — фетишизацией достижений тех полноценных, сильных и развитых государств и культивированием комплекса неполноценности. «Колониальный синдром» не обязательно возникает в колониях. Пример — коллективный невроз эпохи Веймарской республики, явившийся отправной точкой в становлении фашистского «психоза». Поскольку в неявной форме ряд ценностей и постулатов общественного сознания в доперестроечный период безусловно носил религиозный характер, перестройка требовала такого же уважения к (даже если и ложным, но входящим в культуру) ценностям и установкам еще не «декоммунизированного» населения, какого всякая традиционная культура требует от представителя культуры иного типа (например, индустриальной), входящего на ее территорию.

Сегодня не времена Кортеса и Писарро, не эпоха колонизации североамериканских индейцев. Конец XX века имеет свои закономерности, и диалог культур требовал особой интонационной деликатности, взвешенности и сдержанности тона при полноте информационной свободы.

Социологические исследования показывают, что «декоммунизация» через средства массовой информации привела к депрессивным изменениям даже среди тех, кто уже в застойный период считал себя полностью «декоммунизированным». Для рядового же обывателя это обернулось подлинной мотивационной, смысловой катастрофой.

Теперь — и это надо признать — придется заняться лечением уже не только застойных, но и *перестроечных травм.*

Без этого пробуксовывание всей политики обновления нашего общества неизбежно.

Без этого невозможны ни экономические, ни социальные действия. И мы считаем необходимым сделать все возможное для того, чтобы общество осознало первоочередной характер именно этой, а не других, кажущихся более актуальными задач и проблем. Альтернатива решению этой задачи — даль-

нейшее втягивание всех слоев общества в бесплодное противоборство прогрессизма и традиционализма, свойственное странам так называемого «четвертого» мира, где часть населения истошно молится идолам и ездит на поклонение колдунам и шаманам, а часть — неистово вращается в вихре якобы западной (на деле патологизированной и извращенной) поп-культуры для туземного населения. В этом случае Христос «останавливается в Вильнюсе», а в Калуге или Рязани, Москве, Ленинграде, Ярославле, Новосибирске потеря будущего приводит к разрыву исторического времени, к дроблению целостности бытия на «патриотизм» и «космополитизм», что в социальном плане равносильно люмпенизации и маргинализации нашего «когнитариата», а в экзистенциальном — превращает его в «несчастнейшего». Какое творчество и какая полнота бытия возможны в этих условиях?

Не только обретение подлинного ориентира в хаосе ложных альтернатив, не только построение и реализация будущего — уже сегодня, но и борьба за восстановление права быть в истории (пускай страдая и мучаясь) есть то условие, вне которого развитие общества невозможно. Восстановление социальной нормы немыслимо без восстановления целостности исторического сознания, без диалога, пусть сколько угодно далекого от апологетики, но нормального, то есть обращенного в будущее, диалога традиции и прогресса.

Синтез традиции и прогресса, а не их противопоставление друг другу единственно способен обеспечить условия для нового качества производительных сил. Именно на почве верно осознаваемых традиций возможен качественный скачок, снятие накопленных противоречий. При форсированной модернизации общества, как показывает исторический опыт, срывы, социальные катаклизмы, регресс происходили именно там, где изменения *переламывали* традиции предшествующего периода, а *не адаптировали* их к новой ситуации (ярчайший пример — Иран). Опыт Японии показывает, что прорыв, форсированная модернизация, качественный сдвиг в производительном потенциале страны происходит быстрее, эффективнее и безболезненнее в случае, когда традиционную структуру приспосабливают для изменений, в ходе которых идет уже и преобразование самих традиций.

Отрыв традиций от прогресса, противопоставление этих двух компонентов, попытка принести традиции в жертву прогрессу нигде и никогда не давала желаемых результатов. Вместо стремительного «взлета», освобожденного от балласта традиций общественного сознания, это всегда приводило к полной психологической зависимости от якобы вышвырну-

того из «политической гондолы» балласта традиций. В условиях потери ориентира и слома традиций общество начинает напоминать кусающую себя за хвост змею, а затрачивая невероятное количество сил якобы на изгнание исторических «бесов», оно перестает замечать, что место «бесов» начинает занимать самим же обществом произведенное «ничто», исторический и экзистенциальный вакуум, куда естественно внедряются новые «бесы». Эксперимент по углублению исторического вакуума продолжается.

Задействованный на это «человеческий потенциал» отнят у будущего.

Не имея образа будущего и имея за спиной пустоту, общество попадает в ситуацию «безвременья», отчаяния, ощущения проклятости, в котором уже начинает действовать принцип «Спасайся кто может».

Не падение производительного потенциала вызывает наибольшее беспокойство, а деградация его качества. Мы можем потерять треть производительного потенциала и обрести будущее, а можем, якобы сделав рывок, разрушить высшую инфраструктуру производительных сил и, потеряв качество, лишиться всяческой перспективы и покатиться вспять.

Выпадая из времени, мы рискуем обрести антибытие, провалиться в антимир со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из какого идеологического сундука, отдающего нафталином начала 60-х годов, вытянут тезис о том, что существует два типа общества — современное индустриальное и устаревшее традиционное — и что третьего типа не может быть?!

Нечто подобное действительно утверждалось американцами в эру расцвета индустриальных концепций, когда Ростоу и Арон, Белл и Берли провозгласили на весь мир американские ценности в качестве общемировых, единственно обеспечивающих всеобщее благоденствие.

Но с того времени много воды утекло. И если бы не Рональд Рейган, провозгласивший эпоху возврата к традициям американского общества,— где была бы сегодня Америка и весь этот «индустриальный мир»?!

Как можно говорить о противостоянии традиционного и прогрессивного на фоне стремительного и равномерного развития Японии, которая продемонстрировала, что такое синтез традиционного и прогрессивного, которая, по сути, дала методологические ориентиры и заставила американский сверхиндустриализм уповать на военную силу, единственно способную удерживать в бутылке «японского джинна»?!

Нашему обществу необходимо самому себе ответить на

вопрос: является ли его целью Великая реформа, аналогичная реставрации Мэйдзи в Японии, или новая революция? И когда при этом говорят о мирном характере революции и ссылаются на мирный февраль 1917 года, то мы считаем необходимым напомнить обществу о том, что «мирный» февраль обеспечил к апрелю разруху на транспорте и в промышленности, к июню — восстания в армии и погромы в сельских местностях, к сентябрю — тотальный развал, а поближе к зиме неизбежно — чью-нибудь диктатуру, неважно чью, лишь бы прекратить анархию и положить конец полному беспределу.

Сейчас мы движемся в этом же направлении. По своей воле или против нее? Слепо или сознательно? Но в любом случае необходимо признать, что мы снова с упорством, достойным лучшего применения, воспроизводим ту логику, которая однажды уже привела нас к исторической трагедии.

10. КОНЕЦ КОММУНИЗМА ИЛИ КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Конец коммунизма, казалось бы, не вызывает сомнений. Обсуждается лишь то, как именно будет выглядеть послекоммунистическая эпоха. Общество старается верить, что оно станет эрой всеобщего благоденствия.

В связи с этим мы считаем необходимым заявить свое особое мнение по этому самому принципиальному из всех философско-политических вопросов современности. Мы считаем, что оснований для упований на светлое будущее в связи с концом коммунизма нет. Мы ожидаем в ближайшее десятилетие, коль скоро действительно оно станет концом коммунизма, срабатывания «принципа домино», приводящего к серии идеологических катаклизмов, сбрасывающих вслед за коммунизмом не только христианство, но и другие мировые религии (буддизм, ислам, иудаизм), мы предвидим опасность аннулирования их общего, как сказал бы Н. Бердяев, богочеловеческого, то есть гуманистического, стержня и в связи с этим возможность перехода от эры «красной» к эре «черной» — постгуманистической, постгероической, посттрагической и, в сущности, постисторической, поскольку главным станет вопрос о том, какая группа, какая элита, в какой форме и за счет чего сумеет воспользоваться плодами истории. Осознает ли общество взаимосвязь тотального обрушения «красной веры» (ибо, не являясь в строгом смысле этого слова религией, коммунизм содержит многие типологические черты нового вероучения, что, на наш взгляд, является не слабой, а сильной его стороной) и выплеска «черных» веро-

исповеданий (чернокнижия, магии, оккультизма, сатанизма, теорий космических рас). Этот выплеск уже начался... Он виден всем.

Для нас одно является столь же неизбежным следствием другого, сколь опрокидывание геополитического баланса является неизбежным следствием крушения СССР.

Коммунистический строй, как это хорошо показал А. А. Зиновьев, укоренен в бытии нашего общества. Он мощно оперт на его культурно-исторические традиции, имеет свою логику развития и как органическая составляющая входит в структуру современной цивилизации. Это постепенно начинают осознавать социалисты, социал-демократы и другие компромиссные течения и силы, которые держались лишь тем, что препарировали, реформировали коммунистическую идеологию или участвовали в сокрушении оной. Теперь они в первую очередь на собственном опыте убедились, что крушение коммунизма — это отнюдь не изолированный процесс, что оно угрожает пошатнуть устои цивилизации, способной к саморазвитию лишь в той мере, в какой человечество осознает себя способным бросить вызов смерти, постоянно напоминающей ему о тщете усилий, суетности надежд, бренности и жалкой ничтожности вспыхнувшего во Вселенной огонька жизни, бессильного что-либо изменить в царстве холода и мрака, подчиненном смерти как высшему властелину Вселенной.

В калейдоскопе фундаменталистских заклинаний по поводу духовности, как антитезе правам человека, и в прогрессистских анафемах духовности во имя прав человека, которые, мол, «превыше всего», общество дезориентировалось. Оно перестало осознавать духовность именно как главное из всех человеческих прав, ключевое фундаментальное Право — на жизнь как трагедию. Право — верить в преодоление, снятие этой трагедии. Право — на смысл и на историю. Право — на высшую историческую и космическую миссию, преодолевающую абсурдность человеческого удела. Право,— глядя в лицо смерти, воскликнуть: «Вся жизнь трагедия — ура!»

Кем становится человек, наделенный всеми остальными правами, но лишенный этого, главного?!

Либо животным, вяло пережевывающим жвачку земных благ и удовольствий и при этом настолько отупевшим, что в его сознание не проникает мысль о скорой смерти, которой подвержено как все, приносящее ему радость, так и он сам, либо бесом, мстящим жизни за свою конечность и в сознании смертности источающим яд на все живущее, черпающим силы в унижении и подавлении себе подобных просто в отме-

стку за скорое свое исчезновение, столь же абсурдное, как и рождение, столь же нелепое, как и сама жизнь?

Так чем же становятся все права человека вне основного права — на бессмертие?

Правом быть во времени, находясь в непрерывном страхе и отвращении перед непреодолимостью смерти, или правом — не быть, бежать от времени, прятаться от него, играя в игрушки потребительства, ища и не находя забвения в отупляющем комфорте, бессильном сделать человека счастливым в условиях, когда он не окончательно утерял дар разума, превращающийся в этом случае в проклятье и наказание?

Тот, кто помнит, как хоронили своих собратьев члены революционного братства, как пели песни над гробом, что, и, главное, как говорили, как держали себя, тот знает, чем был коммунизм для тех, кто был действительно посвящен в тайны этой религии.

Да, это была религия, и весь блеск, все обаяние красного идеала было в его духовной силе, то есть способности противостоять смерти, бросить ей вызов, придать трагическую полноту жизни и трагическую осмысленность тому, что, прервавшись, она не прерывает нить общего дела, становится ступенью, ведущей в общечеловеческий храм.

Это вочеловечивание, а не одно только упование на материальное изобилие(когда-то, кому-то, зачем-то воздаваемое за счет крови и страдания ныне живущих) составляло стержень коммунистического учения.

Рассматривая коммунизм не только как теорию, но и как новую метафизику, ведущую к построению нового глобального вероучения, мы считаем необходимым отделить исторически преходящее содержание и тем более официозно-бюрократическое извращение этой идеи от той онтологической, антропологической и экзистенциальной концепции, которая фактически скрывалась от советского человека, сдававшего экзамен по «научному коммунизму», но оставшегося в полном неведении относительно действительного смысла якобы изученной им идеи, не имевшей по своему духовному накалу равных себе в XX столетии, содержащей многие коренные, жизненно важные для цивилизации черты новой мировой религии со своими святыми и мучениками, апостолами и символом веры.

Мы считаем необходимым зафиксировать в сознании сохраняющих еще способность думать членов нашего общества, во-первых, подлинную логику возникновения такого рода новой религии; во-вторых, тот контекст, в котором она была воспринята нашей страной и нашим обществом; и наконец, в-третьих, основные черты ныне признанного «еретичным»

вероучения, против которого направляют сегодня энергию масс.

Говоря о становлении коммунизма, мы должны проследить эволюцию тех религий, которые вели шаг за шагом к возвеличиванию самого человека, должны назвать тех предтеч, которые в своих учениях все больше и больше стирали грань между Богом и Человеком, от Ра и Яхве вели к земному и одновременно божественному Христу. В силу «прокурорской логики», применяемой сегодня, чтобы изжить коммунистическую заразу именно «в корне», рано или поздно эти предтечи будут привлечены к ответственности за то, что произвели на свет коммунизм — как «чудовище XX века».

Дело никоим образом не может и не должно ограничиться тем «джентльменским набором» предтеч, которые десятилетиями вбивались в мозги советского обывателя. Отнюдь не только утописты, Гегель и Фейербах являются прародителями коммунистической доктрины, хотя ни религиозная суть учения Гегеля о триадичности, ни богостроительская антропология Фейербаха, ни подлинный объем учения Сен-Симона так и не стали достоянием общественного сознания в нашей стране. Мы относим к числу безусловных предтеч коммунизма Исайю и Иисуса, Будду и Лао-Цзы, Конфуция и Сократа, Спинозу и лучших представителей эпохи Просвещения и, наконец, как это ни парадоксально, русских философов, высланных в 20-е годы коммунистическим правительством, но принадлежащих к коммунистической парадигме больше множества «правоверных» коммунистов. «Красная идеология» строилась на фундаменте таких проблемных, таких на самом деле в условиях экологического и ресурсного кризисов уже вовсе не очевидных для сегодняшнего западного сознания идеях, как всемирная Справедливость, Равенство, Братство, Свобода, Счастье, на тех идеях, которые Великая французская революция оказалась катастрофически неспособной осуществить. Вне коммунизма их будущее в XXI столетии проблематично, как никогда ранее.

В истошном крике о крушении человека, несущемся с Запада, вряд ли можно заподозрить «руку Москвы». О закате Европы, кризисе культуры, смерти человека в объятиях цивилизаций говорят люди далеко не коммунистических убеждений.

Древнейшая мечта о совершенстве человека ныне, как никогда, находится под угрозой, но только ли в империи зла? Первый мир, если верить его собственным заверениям, накопил свою экзистенциальную проблематику, губительную и для него самого, и для всего человеческого сообщества. Мы

все вместе движемся в пропасть, разница лишь в том, кто едет в общем вагоне, а кто — в спальном. Стоит ли пересаживаться за пять минут до конца света? Не лучше ли приложить все усилия для того, чтобы не наступил этот конец?

В процессе освобождения из-под власти природы человек, единственное существо, наделенное жаждой личного бессмертия и, как ее непреложным дополнением, сознанием смертности и ужасом перед смертью, все в большей степени противостоит ей как сознающий субъект. Наличие разума, самосознания, являясь величайшим даром, одновременно становится и тягчайшим проклятием человека. Именно разум позволяет человеку осознать весь трагизм своего положения, всю неразрешимость «человеческой ситуации», основу которой образует противоборство материи и духа, Жизни и Смерти, природного и трансцендентного начала как в самом человеке, так и в окружающем его Мироздании. Человечество скорее покончит с собой, чем согласится волочить бремя этих страшных проблем, и, судя по все возрастающей неуправляемости технического прогресса, оно уже склоняется к такому самоубийству.

Одним из самых ярких показателей тупика является разорванность сознания, которое решает глобальную ситуацию все по той же логике «либо-либо». Либо «откат» к биологическому существованию, либо накат в сторону неуправляемого прогресса.

Самой страшной бедой для человека и человечества может стать его «откат», его бесплодная и патологизированная попытка вернуться к утраченному раю животной гармонии. Призывы к биологизации, к возврату языческих идеалов покорности органическим законам Жизни, к отказу от христианского максимализма и от идеи богочеловечества выводят на арену «белокурую бестию», сверхчеловека, руководимого инстинктом и волей. Они уже дали человечеству фашизм, и их потенциал вовсе не исчерпан этим зловещим подарком.

Неоязычество, оккультизм, черная магия и другие виды «черных религий» — вот надстройки, обеспечивающие самовоспроизводство «откатных» идей в XX столетии. Черная экономика — это «базис», сопряженный с этой идеологией. А выброшенность человека — атома, одномерного продукта индустриальной цивилизации из пространства религии и культуры, оскудение духа, лишающее способности переносить трагичность своего земного удела,— это социальная почва, плодоносящая в конце XX века столь обильно, сколь никогда ранее она еще не плодоносила в истории нашей цивилизации.

Сегодня мы в очередной раз можем оказаться отброшенными в «черную дыру истории», представляющую собой наложение суперсовременных технологий на неорабовладельческие формы устройства общества, когда в полном согласии с пророческими кошмарами Достоевского обольщенная совесть и хлеб насущный будут приняты человечеством в качестве платы за умерщвление души, отказ от исторической и космической роли, за отречение от права на мысль, на разум и, в крайней психофизиологической разновидности такого мироустройства, просто права на мозг. Это могло бы показаться утопией, но разве не об этом говорит «Миф XX столетия», одно из ключевых писаний идеолога третьего рейха Розенберга, достаточно посвященного в замыслы фашистской элиты, разве не в этом суть концепций новых теоретиков, проповедующих наличие нескольких рас (духовной, социальной и биологической)? Призывая учиться не смотреть, а видеть и предупреждая, что чрево, которое вынашивало гада, еще способно плодоносить, Бертольд Брехт хорошо понимал, сколь эфемерна победа над фашизмом, имеющим столь глубокие корни в психике «одномерного человека».

Одновременно с откатной линией философской мысли в экзистенциальном опыте XX века можно проследить и накатную, с ликованием зовущую человечество вперед, на путь прогресса.

Идея потребительского общества, прогресса ради прогресса, превращение такого серьезного и трагического действа, как жизнь человека, в своеобразный антроподром, увлекательную скачку с препятствиями, неизбежно потребовала своего религиозного восполнения. Эта идея заместила религию различными формами светского идолопоклонства (идеей национального превосходства, политического престижа, материального преуспеяния, жажды успеха, власти, удовольствий и т. п.).

Такая секуляризация жизни требует от отданного ей во власть сознания все более и более сильных и часто сменяющихся стимулов, наркотиков потребления, производство которых становится несовместимым с жизнью человека на Земле.

Идолы потребительства способны действовать лишь в случае, когда они непрерывно и ускоренно возрастают. А возрастая в необходимых для своего успешного воздействия количествах, они раздавливают земной шар и поклоняющееся им человечество — таков сегодня приговор обществам, строящим себя в рамках светского идолопоклонства.

Кроме того, превращая при этом человека в товар, час-

тичного человека, все более и более отчуждая его от своей подлинной человеческой сущности, доводя его до роли винтика общественной машины, делая жертвой социально-политических манипуляций и обмана, элита, сколь бы она ни изощрялась в различных формах гибкого управления, неизбежно наращивает потенциал бунта, губительный для нее самой и для оснований нашей цивилизации. Не исключен поэтому ни сговор прогрессивной элиты с идеологами «отката» и «черных дыр», ни попытка подавить бунт раз и навсегда средствами все той же науки. Смыкание и взаимопорождение разорванных крайностей, прослеживавшееся с конца прошлого века, ко времени завершения первой мировой войны становится фактом. Человечество впервые вплотную придвинулось в тот момент к экзистенциальной, а следом за ней и к исторической, и политической, и социальной катастрофам. В этот предапокалиптический миг истории роль лидера, способного изменить траекторию исторического развития, берет на себя именно коммунизм как третья сила, как антитеза возврату в животное царство и бездумному прогрессизму, как научная теория и, если хотите, новая *гуманистическая религия,* способная продуктивно решить фундаментальные проблемы человеческого существования. Атеистический, причем воинственно атеистический характер коммунистической доктрины ничего не менял при этом по сути. Один из крупнейших философов XX века Эрих Фромм справедливо указывал, что «многие из тех, кто открыто проповедует веру в бога, в своих человеческих отношениях являются идолопоклонниками или людьми без веры, в то время как некоторые из наиболее воинственных «атеистов», посвящающих свою жизнь улучшению человечества, утверждению братства и любви, демонстрируют веру и глубокое религиозное отношение». В полной мере это относимо и к идеям «красного братства», «красного ордена», покорившего нашу страну отнюдь не свирепостью и коварством (кто не верит — пусть попробует сегодня лишь с помощью этого завоевать десятую часть того авторитета, той степени сплоченности народа и его готовности идти за новыми лидерами). Решающим была именно новая вера, новая (весьма определенным образом и на определенной основе воспринятая) метафизическая доктрина Общего Дела. Она задела глубочайшие струны народной души и помогла отстоять гуманизм во всемирном масштабе. Патриотизм в борьбе с Гитлером сыграл немаловажную роль, но решающим был именно коммунизм, его пассионарные возможности именно в качестве новой религии. Реабилитируя все уничтоженное в пылу идеологических битв

сталинской эпохи, перестройка почему-то сделала исключение для богостроительства, крайне актуальной для своего времени идеи, находившей широкий отклик и в народе, и в партии, и в среде деятелей новой культуры. Суть идеи состояла в том, что, отказываясь от упования на благополучное решение на небесах трагически неразрешимых здесь, на земле, проблем человеческого бытия, прежде всего экзистенциальных, коммунизм провозгласил возможность их решения на земле *и во всем объеме,* включая проблему жизни и смерти. Читающим «Котлован» Андрея Платонова и находящим в нем лишь свидетельства коммунистических зверств и нелепостей мы рекомендуем вспомнить о вере одного из героев романа — Жачева в то, что коммунизм сумеет «воскресить назад сопревших людей» и что Ленин, с точки зрения Жачева, «в Москве целым лежит» потому, что «науку ждет — воскреснуть хочет». Мы предлагаем также задуматься над тем, что тот гигантский труд, те лишения, страдания и муки, та энергия, с помощью которой была индустриализирована наша страна, не могли быть извлечены из недр аграрного общества только террором, страхом, колючей проволокой, доносами и идиотским энтузиазмом, и что «тайна сия — велика есть».

Коммунизм дал антропологическое обоснование сциентизму, философии научно-технического прогресса. Он заявил о возможности гуманизировать этот прогресс и направить его в русло Общего Дела. Это величайшая историческая задача, стержень пути, идя по которому человечество способно миновать Сциллу потребительской смерти от «ожирения» и Харибду «черной дыры истории». Выдающиеся научные открытия и технические достижения обеспечили людям власть над природой, облегчили их труд и быт. Этим можно и нужно гордиться, по мнению коммунистов. Но что можно сказать о главном, о самом Человеке? Приблизила ли нас наука к реализации идеи его совершенства? Создавая удивительные машины, человек не смог ни на йоту улучшить самого себя. Его внутренняя жизнь — это ад, где поступки не согласуются с желаниями, стремления к счастью, истине, справедливости в корне извращены. К началу XX века острее, чем когда-либо, ощущалась необходимость превращенной метафизической формулы бытия, обеспечивающей восстановление духовных, творческих, одним словом, специфически человеческих высших ресурсов личности.

Традиционная религия определяла эти ресурсы как живую душу, дар божий, а деятельность по их восстановлению и развитию — как спасение души. Одним из основных

средств к такому спасению она считала подвижнический труд. Это труд, превративший, например, болотистые земли древней Галлии в сегодняшнюю плодородную французскую почву с полями, пастбищами и виноградниками. Такой «духоборческий» труд и есть прообраз коммунистического труда. При всей его эффективности этот труд не может быть рассмотрен как категория чисто экономическая, да и что способна в конце XX века решить экономика, взятая сама по себе, в отрыве от резервных возможностей человека? Коммунисты попытались сделать ставку на «духоборческий» труд и в новых исторических условиях, при всех издержках сумели добиться неслыханных результатов на коротком отрезке исторического пути. Предстоит еще выяснить, почему при этом они проиграли экономический «марафон». Однако утверждать, что эта ставка была сугубо утопической, можно лишь из чисто конъюнктурных соображений. Кстати, на близкий к этому тип труда сделали ставку японцы и добились удивительных результатов. Самурай, приезжавший в Европу и учившийся там работать руками, делал это не для того, чтобы сделаться удачливым предпринимателем в западном смысле этого слова, а потому, что он хотел сделать сильной свою страну, свое общество.

Духоборчество апеллировало к подвижничеству науки, к тому, что меркантильные блага для ее лидеров не есть главное, к тому, что в нищите и голоде они способны были испытывать высшее счастье человека — счастье творческой полноты бытия. Не только превращение науки в непосредственную производительную силу вызвало в XX веке небывалый рост ее общественного престижа. Ее духовный авторитет, ее герои и мученики сыграли не меньшую, а, возможно, и большую роль. Это позволяло надеяться на создание нового типа религии — религии науки. От бого-человечества стал возможен шаг к человеко-божеству (коммунизм), противостояние на основе этого шага надвигавшемуся человеко-зверству (фашизму). Грандиозная битва между этими двумя мировыми метафизическими, метарелигиозными доктринами на первом этапе закончилась победой коммунистической метафизики. Кем надо быть для того, чтобы отрицать это? Невеждой? Провокатором? Или самоубийцей?

Сегодня мы — на пороге второго этапа глобальной схватки с «врагом человечества и человечности». Тезис о том, что место коммунизма занимает национализм, в этом смысле крайне примечателен. Траектория исторического развития в очередной раз поворачивается в сторону «черной дыры исто-

рии». Кто выступит ныне в роли спасителя? Неужто один только «Ротари-клуб»?

Высшая миссия той великой страны, которая пойдет на чрезвычайное духовное напряжение, неизбежное при нынешнем развороте событий, должна будет состоять в том, чтобы, прорвавшись в лидирующую зону, не возглавить движение в направлении «черной дыры», а *развернуть траекторию исторического развития*. В высшей памяти человечества навечно записано то, что первый раз такой подвиг осуществила наша страна. Приняв коммунистическую идеологию и переплавив ее в метафизику Общего Дела, она сумела развернуть траекторию исторического развития человечества ровно настолько, чтобы на пределе обогнуть «черную дыру» фашизма и дать человечеству возможность продолжить историю. Согласится ли она еще раз на этот чудовищный акт подвижничества, на этот надрыв, и хватит ли у нее духовных сил?

Но как бы там ни было, уже совершенный ею подвиг, подвиг страны, народа и идеологии (именно в триединстве), дает коммунистической идее, при условии, что она сумеет отбросить преходящее, «стереть случайные черты» и обнажить свою метафизическую сущность, право претендовать на роль духовной силы, в принципе способной останавливать «белокурую бестию». И что-то не видно на историческом горизонте других кандидатов, другой страны, другого народа, другой идеи, способной взять на себя эту миссию. Так разве не самоубийцей нужно быть для того, чтобы убивать это триединство, ничего не имея взамен? Сегодня сделано все возможное для отторжения коммунистической идеи в той единственной стране, которая в принципе готова была к еще одному героическому усилию для вящей славы гуманизма и справедливости. Завтра, если эта страна откажется, мир будет духовно разоружен и дряблые мышцы аморфной демократии не смогут отразить напор новой олигархии, выступающей от имени инстинкта и воли. Альтернативы коммунистической метарелигии, духовно соизмеримой ей по мощи идеи, сегодня не существует. А значит, разоружаясь, человечество допускает ошибку, по своему масштабу вполне соизмеримую с распятием Христа, с той разницей, что уповать на *трансцендентальное* вмешательство в данном случае, пожалуй, и не приходится. Совершив грех, человечество примет кару от себя самого, и нет уверенности, что найдется сила во Вселенной, способная отмолить этот финальный грех. А если и есть она, то захочет ли совершить такую молитву?

11. ГРЕХИ КОММУНИЗМА ИЛИ ГРЕХИ КОММУНИСТОВ?

Говоря о великой роли «красной религии» в XX столетии, мы отдаем себе отчет в том, что отнюдь не каждый ее служитель, получавший деньги за отправление нового культа, был действительно предан «красным» идеям и идеалам. Коммунистическую религию постигла та же участь, которая постигала все огосударствленные мировые религии, создававшие свою церковь (партия коммунистов), свой синклит (высший эшелон коммунистической власти), своего первосвященника (генерального секретаря). Особо уязвимыми духовно становились религии, бравшие в руки государственную власть напрямую, то есть теократические структуры. Коммунизм в нашей стране безусловно подвержен всем духовным заболеваниям, поражающим теократию.

Но символы, мученики и сама Вера ответственны за это не больше, чем Христос за действия святой инквизиции.

Другой пример. Наука принесла человечеству в XX столетии неисчислимые бедствия. Так не пора ли истреблять ученых, громить академии наук, исходя из принципов персональной ответственности «За веру»?!

В самом деле, что же подвергается суду? Вера? Церковь? Священнослужители? Лишь определив это, мы сможем понять, какими будут и судьи, и суд.

И пока происходит смешение субъектов ответственности и видов этой ответственности (от собственно криминальной, в случае коррупции, до исторической и философско-политической), до тех пор мы сможем говорить о процессе над коммунизмом лишь в логике печально известных «процессов ведьм». Поэтому мы требуем однозначного и строгого разделения трех главных, категориальных типов ответственности, возлагаемых на коммунизм.

Первое. Ответственность за действия отдельных лиц. Здесь вполне правомерна аналогия со свирепыми и развращенными римскими папами, особенно в эпоху разложения католицизма.

Никакого отношения их прегрешения к святости христианской церкви, и тем более христианской веры не имеют. Страдающие в различных кругах дантовского ада римские «пастыри» лишь подтверждают для самого Данте величие христианской идеи и церкви, ее воплощающей.

Здесь можно лишь с прискорбием и смирением констатировать, что никакая великая и чистая идея не гарантирует своей чистотой и величием от проникновения в лагерь ее сторонников самых грязных и изощренных подонков и

что механизм блокирования такого проникновения до сих пор еще не найден. И поскольку человечество пользуется идеями, оно должно ясно осознавать то правило, согласно которому *каждая великая идея имеет не только своих мучеников и героев, но и своих политиканов, проходимцев, бандитов, отпетых негодяев.*

С прискорбием приходится констатировать, что это — *правило, из которого нет исключений.* И когда начинают усиленно демонстрировать грехи служителей какой-либо идеи именно как репрезентацию греховности самой идеи, то речь может идти не о суде в том смысле, в котором это слово принято употреблять в мировой практике, а об особой разновидности судилища, на котором управляют умело разогретые эмоции, а не законы логики, здравый смысл. Подвергаемые такому неправедному суду обвиняемые, естественно, будут защищаться согласно той же логике, сознавая, с кем имеют дело и какие последствия этот суд может иметь для каждого из них лично.

Второе. Ответственность за действия структуры. Любая «религия», транслируемая в общественное сознание, нуждается в социальных институтах, регулирующих ее воздействие на умы «верующих». В случае если церковь теряет доверие верующих, кризис веры неизбежен и сама вера находится в самой серьезной опасности. Нечто подобное произошло с христианской церковью в эпоху, предшествующую Реформации, когда понадобились Кальвин и Лютер — с одной стороны, и деятели контрреформации — с другой, для того, чтобы уберечь веру от поругания со стороны профессиональных церковных функционеров, цинично отрицающих все, чему они учили своих прихожан. Наиболее странными симптомами деградации социального института «красной веры» — коммунистической партии — явилась коррумпированность как свойство именно структурное, а не персонально-личностное, глумление самих служителей по отношению к той вере, которой они служат как «профессионалы», но которую презирают, как «умные люди», и, наконец, обращение этих служителей в чужую веру, стремление исподволь «подрубать тот сук, на котором они сидят».

Сегодня в жизни «красной религии» наступил критический момент, от которого зависит ее дальнейшее право на существование. Если в течение ближайших лет коммунистическая партия не осуществит духовного усилия, по силе равного тому, которое осуществила Реформация по отношению к христианству или движение ваххобидов по отношению к исламу, то идеологическая катастрофа неминуема. Кризис

достиг невероятной силы. Придет ли очищение и какую форму оно будет носить, зависит от степени духовного здоровья нашего общества.

Со своей стороны мы считаем необходимым сделать все возможное для Реформации «красной церкви» и придания ее служителям сходства с теми, кто своим подвижничеством придал социальной доктрине статус новой мировой религии.

Третье. Ответственность идеи. Мы считаем, что сама идея в том виде, в каком она сегодня существует, содержит ряд дефектов, которые могут препятствовать ее вхождению в XXI век. Основная ошибка коммунистов — это их включенность в потребительскую игру, их изначальная ориентация на удовлетворение потребностей населения самым лучшим образом, даже лучшим, чем способно это сделать капиталистическое общество. Это принципиальное заблуждение. Накормить «там» могут безусловно лучше, чем «здесь». И любая страна, вставшая на путь коммунистов, не станет более богатой. А вот сумеет ли она стать более счастливой — это вопрос.

Сегодня актуально как никогда звучат слова Эриха Фромма: «Западные социал-демократы и их яростные оппоненты — коммунисты в Советском Союзе и за его пределами — превратили социализм в чисто экономическую теорию. Цель такого социализма — максимальное потребление и максимальное использование техники. Хрущев со своей теорией «гуляш-коммунизма» по своему простодушию однажды проговорился, что цель социализма — предоставить всему населению такое же удовлетворение от потребления, какое капитализм предоставил лишь меньшинству. Социализм и коммунизм основывались на буржуазной теории материализма. Некоторые высказывания из ранних работ Маркса (в целом же эти работы расценивались как идеалистические заблуждения «молодого» Маркса) повторялись как ритуальные заклинания, так же как на Западе произносятся цитаты из Библии». «Не хлебом единым жив человек», и коль скоро он начинает довольствоваться хлебом, этим хлебом, сытостью своей измерять качество жизни, этим кичиться, этому поклоняться,— жизнь остановится, цивилизация развалится, как разваливались под грузом сытого отупения предшествующие цивилизации, люди начнут бессмысленно истреблять друг друга, просто чтобы избавиться от постылой скуки сытого, но бесконечно тоскливого существования. От предшествующих катастроф, постигавших другие цивилизации, эту катастрофу будет отличать только ее глобальный характер. «За-

кат Европы» чреват закатом жизни на всей планете. Коммунизм побеждал в обществах, сохранивших традиционный тип культуры, аграрное мировосприятие, где он противопоставлял сытому благополучию идеал трагический, где он выдвинул нового культурного героя и обновление культуры, вне которого немыслимо и обновление цивилизации.

Мы заявляем, что возрождение коммунизма в историко-философском аспекте возможно лишь при соблюдении трех указанных ниже принципов.

Первое. В рамках «гносеологического паритета» — взаимоувязанное научно-теоретическое и религиозное обновление коммунистической идеи, ее открытость другим теориям и религиям.

Второе. Жесткую реформацию коммунистической партийной структуры, замещение, причем не персональное, а структурное, партийных профессионалов, погрязших во всех грехах и пороках, людьми с принципиально иной духовной консистенцией; реализацию и жесткий контроль за соблюдением партийными профессионалами системы ограничений. Применительно к требованиям своего времени это находило выражение в ленинском принципе партийного максимума. Однако ошибка Ленина заключалась в распространении одной и той же аскезы *на всех* членов партии. Мы же считаем, что это должно относиться лишь к профессионалам, людям, посвятившим себя именно партийной деятельности. К ним должен предъявляться особый счет. К примеру, монах, дающий обет праведной жизни, не требует того же от каждого верующего, и в этом разграничении имеется глубокий смысл, та диалектика, которую не смог учесть создатель коммунистической партии. И наконец, в сложившихся условиях спасение коммунизма предполагает, что каждый остающийся в партии должен осознать принадлежность к оной как риск, возможность кары за «красную веру», возможность нового катакомбного периода, возможность преследований и гонений. Это — реальность.

Для идеи пагубно раздувание контингента псевдоверующих за счет лиц, не имеющих на деле необходимой ценностной ориентации. В момент, когда в компартии было всего лишь шестьсот тысяч человек, она была неизмеримо сильнее и духовно, и политически, чем в сегодняшнем студнеобразном состоянии.

Третье. Необходимо категорическое отлучение от партии всех, кто предал «красную веру». Необходим партийный суд и партийная кара тем, кто, выступая от имени партии, существуя на деньги партии, действовал вразрез с ее идеями,

принципами, убеждениями, совершал преступления против Равенства, Братства и Справедливости.

Только решив эти три основные задачи, коммунисты и коммунизм вправе выступать на суде истории, суде человечества от лица идеи, пролитой крови, мученичества и героизма — не только как ответчик, но и как истец, предъявляя *свой счет,*— и в плане метафизическом, именно как «монах» — «мирянину», «рыцарь» — «торговцу», прошедший сражения и муки солдат — «мирному обывателю».

На этом метафизическом суде, там и только там будет ясно, кто проклят, а кто спасен, кто — «в бозе», а кто «умер без погребения». Лишь выдержав это метафизическое испытание, идея сможет воскреснуть, а воскреснув, спасти Мир или же пасть вместе с ним в последней схватке, той, где, согласно пророчеству Эдды, «боги будут сражаться вместе с людьми, а мертвые вместе с живыми».

12. КУЛЬТУРА И КОММУНИЗМ

Считается, что коммунизм совершил преступление перед культурой нашей страны, что он в принципе — антикультурен в связи с этим должен быть подвергнут культурному остракизму.

Мы заявляем, что подобное утверждение является одним из самых крупных идеологических курьезов XX столетия. Коммунизм является следующим после христианства шагом в сторону возвышения космической роли человека, в сторону радикализации гуманизма. Коммунизм мы рассматриваем именно как неохристианскую религию, поскольку христианство, в ряду других религий, единственное осмеливается говорить о богочеловечестве, единственное разворачивает круг сансары в стрелу времени, направленную в сторону Страшного суда. Коммунизм, заявляя об оскудении братства, раздроблении жизни, заменяет божественно-человеческое — человекобожеским, он снимает «звезду пленительного счастья» с неба и переносит ее на нашу грешную землю, он ставит на место благодати — труд, но именно *благодатный труд,* труд собственно человеческий, *творческий.* Он уходит от знания чуда к чудесному знанию, от алхимии Преображения к метафизике Всеобщего Космического Проекта. Он противопоставляет науку, одухотворенную Общим Делом, слепоте и смертоносной силе Природы, он говорит о смерти как о неразвитости Природы и Мира и обещает борьбу с нею силами человека без трансцендентного, без сверхъестествен-

ного, без благодати, иных, чем трансценденция, сверхъестественность и благодать самого Человека. Одним словом, коммунизм, перенимая христианский дух, еще более возвеличивает Человека.

Коммунизм примиряет Ренессанс и Высокое Средневековье, две силы, самоубийственно боровшиеся друг с другом на протяжении нескольких веков. По мнению Маркса, коммунизм — это и есть воскресение и жизнь, подлинное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидуумом и родом. Он решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.

Мы понимаем, что эта цитата из «ранних произведений» классиков марксизма-ленинизма не входит в курсы выхолощенных «дайджестов», по которым советский человек проходил «свою», на деле предельно отчужденную от него философию и идеологию. В этом смысле отлучение коммунизма от культуры есть наказание коммунистам за то, что, сделав вчерашнего раба «хозяином жизни», они не бросили все усилия, всю волю на избавление этого политического раба от рабства культурного, более страшного, чем политическое.

Аристократизм коммунистической идеи, воспринятой дворянством нашей страны именно как «высший пилотаж духа», был чудовищно принижен и искажен теми, кого Мережковский назвал «грядущим хамом»: лавочниками и люмпенами от коммунизма, его Санчо Пансами, теряющими остатки связи со своим Дон-Кихотом и вследствие этого постепенно обращающимися в свиней, презрительно хрюкающих по поводу «бескультурья» рыцаря Печального Образа, готовых подрывать корни могучего дуба, даже рискуя лишиться «желудей», необходимых для продолжения их «свинской жизни».

Да, коммунисты виновны перед культурой. Виновны прежде всего тем, что произвели на свет своих отпрысков, настолько диких, что у них хватает бескультурья на то, чтобы в самой холуйской форме «продать первородство».

Они виновны, далее, и в коммунистическом варварстве, в том, что их нашествие было равносильно разгрому ранними христианами культурных ценностей античного язычества. Однако мы настаиваем на том, что это было варварство оплодотворяющее, варварство омолаживающее, хотя это мало что меняет для жертв варварства. Но у истории свой счет, свои мерки, свои законы. (И где было бы сегодня христиан-

ство без нашествия готтов, разгромивших Римскую империю и тут же начавших ассимиляцию сначала религиозных ценностей Рима, а затем и его государственности, его культуры.) Это прекрасно осознавала интеллигенция «старой формации» уже в 20-е годы. Об этом писали Блок, Белый, Мейерхольд, Эренбург, Р. Роллан и многие другие писатели, философы, деятели культуры.

Виновны коммунисты и в том, что Бердяев назвал «культурной реакционностью». Это явилось одним из самых страшных заболеваний движения, которое привело к отсечению от коммунизма всех живительных для него «ересей» и поставило коммунизм на грань вырождения. Новые течения в культуре, науке, философии, весь религиозный модернизм — все отвергалось, преследовалось, истреблялось вначале начетчиками от коммунизма, а затем и его врагами, не допускавшими обновления этой ненавистной им идеи под видом борьбы за ее чистоту. Так это было — изгонялись философы и преследовались «модернисты», шло гонение на церковь и третирование крестьянской культуры. И наконец, пожирались свои «идеологические дети» для вящей славы окостеневших догматов веры. Для нас в этом — неизбежность варварского периода развития новой религии, а никак не издержки и замыслы совратителей (Сталина, сионистов, врагов народа).

При этом коммунистическая культура развивалась ничуть не менее интенсивно, чем культура христианская, постоянно находившаяся под спудом христианского догматизма. И от Платонова до Шолохова, от Заболоцкого до Брехта слишком много сотен имен, безусловно принадлежащих культуре XX столетия. В памяти человечества коммунизм неистребим именно как «культурная сила». А раз так, он будет рождать сторонников завтра, даже если их у него сегодня не будет вовсе, даже если их всех истребить.

И тогда у борцов с коммунизмом будет лишь один-единственный выход — жечь книги, без малого половину литературы XX века. И что тогда *остается им* от культуры? Кстати, этот способ борьбы с коммунизмом уже опробован в XX столетии. Метарелигия такого накала, как коммунизм, так возвышающая человека и человечество, не могла не дать своего культурного поля, потому что там, где есть новый гуманистический потенциал, где есть новый накал трагического, там есть и культура, даже если священники истребляют ее творцов, даже если творцы проклинают и священников, и религию. Для истории — это одна любовь, одна ненависть, одна вера и одна кровь.

Трагически обделенным (по вине коммунистов!) знаниями о коммунистической культуре дикарям мы хотим напомнить, что ранние, то есть в каком-то смысле религиозные, произведения Маркса все пристальнее изучаются в Йеле, Гарварде, Оксфорде, Принстоне, Беркли и Сорбонне. Стремясь туда, они должны знать, что их может ожидать там изучение того же Маркса и Гегеля гораздо более детальное и скрупулезное, нежели в поросших догматическим мхом псевдокоммунистических «обителях», называемых «кафедрами общественных наук». Дикарь, осознающий свое незнание и готовый от него избавляться, достоин ввода в культуру. Дикарь, кичащийся своим невежеством,— отлучен от нее, даже если он будет изучать все «модные» книги, посещать премьеры, стирать родимое пятно своего «плебейского прошлого». В культурном плане он все равно мертв. И рано или поздно коммунизм, им похороненный, воскреснет под подушкой его сына, жадно читающего запретные «Философско-экономические рукописи».

Глядя на начетчиков от коммунизма, твердящих когда-то заученные, оторванные от культуры цитаты, глядя на ожиревших чинуш от коммунизма, не способных выдавить из себя даже пары слов в его защиту, мы заявляем, что коммунизм прежде всего необходимо спасти от так называемых «коммунистов» и от амбициозных варваров, выступающих от имени культуры, а на деле — ее разрушающих.

13. НАШ ВЫЗОВ

Мы заявили свою точку зрения по вопросу о судьбе коммунистической идеи в XXI столетии. Открыто, с предельной откровенностью и в меру своего понимания мы очертили перспективы коммунизма у нас в послеперестроечную эпоху и рассмотрели другой, альтернативный сценарий. Вчерашние вероотступники, преследуемые за свои убеждения ничуть не меньше, чем открытые противники коммунизма, мы выступаем в тот период, когда коммунизм становится небезопасно защищать, когда партийные билеты сжигают на площадях, а вчерашние партийные чинуши, члены ЦК той самой КПСС, которая «довела до ручки» не только страну, но и саму коммунистическую идею, говорят о своем антикоммунизме, причем с той же чванливой спесью, с какой говорили и о «верности идеям».

Мы ощущаем в этом шабаше опасность отнюдь не только для коммунизма, но и для культуры, для человечества. Мы опасаемся того крена, который образуется в системе гумани-

стических ценностей, коль скоро исчезает одна из слагавших духовную популяцию теологий. Мы знаем, кто и что претендует на ее место по закону противоположностей в стихии накаленных страстей, в обстановке катастрофического развала.

Мы заявляем о культурном бесплодии фашистского «претендента», поскольку человеко-зверство не может произвести на свет культуру. Фашизм, однажды победивший в стране с высочайшим культурным потенциалом, как мы знаем, не произвел буквально никаких новых культурных ценностей, в отличие от того самого коммунизма, с которым его хотят сегодня преступно отождествить.

Мы презираем это постыдное и, увы, неистребимое в плебсе (просим не путать плебс с народом!) стремление в каждой ситуации гуртом бить лежачего, бить вдесятером — одного, бить, не соблюдая при этом правил, бить любого, кто оказался «сбитым с ног», будь то коммунисты, монархисты, церковники или даже целые народы и нации, как малые, так и большие.

Выступая в поддержку коммунизма, мы предлагаем нашим оппонентам честный идейный поединок. Поединок, который должен проходить на том культурном уровне, на котором мы прорисовали сегодня место и роль коммунистической идеи в мировом, отнюдь не благополучном для гуманизма «раскладе» сил и тенденций. Заранее предвидим обвинения в идеализме, в неспособности предложить конкретную *экономическую* (новое «волшебное слово»!) программу. Поэтому заявляем, что в тяжелейших условиях мы видим выход в системной реформе: культурно-религиозной, философско-политической, структурно-организационной, духовно-практической и конечно же социально-экономической. Материя и дух, экономика и религия, технология и культура не должны быть противопоставляемы, но наоборот,— слиты воедино. Таким образом, в плане экономическом нам есть что сказать, есть что предъявить. Однако концентрация в первую очередь на экономике или только на ней пагубна, антиэкономична и даже психопатична.

Выделение одного аспекта деятельности, даже такого важного, как экономика, может иметь целью только деструкцию, сброс. Реформа же, проводимая всерьез, предполагает восстановление логики того, что было сделано в этой стране, этим строем, этим народом. И только лишь исходя из этой логики, становится возможным выдвижение новых, конечно же экономически обоснованных программ развития страны, которая (отметим это, кстати!) пальцем не шевель-

нет для их реализации, если не будет включен верхний духовный регистр ее мотиваций.

Мы обязаны критиковать коммунизм, анализировать его ошибки и заблуждения, но лишь с тем, чтобы, используя его возможности и наработанный им потенциал, превратить его поражение в победу. Но перед этим следует во всеуслышание признать поражение и вскрыть логику этого поражения.

В самом деле, почему, вследствие каких причин коммунизм терпит его сегодня от Берлина до Шанхая, от Норильска до Сантьяго-де-Куба? Почему не удалось коммунистам реализовать тот исторический шанс, который они получили, победив во второй мировой войне и возглавив мировую систему государств? Почему, обладая огромной властью, они проиграли?

Антикоммунисты, констатирующие с ликованием это поражение, видят его причину в абсурдности самой идеи и строя. Ортодоксы от коммунизма, с другой стороны, отказываются признать поражение и в лучшем случае говорят о заговоре и заговорщиках. Центристы валят все грехи на Сталина и административно-командную систему. Таким образом, не происходит главного — серьезного обсуждения. А значит, невозможно даже наметить пути реформ, поскольку, в сущности, *реформ никто и не хочет*. Всем нужна революция — от Генерального секретаря ЦК КПСС до самого ярого антикоммуниста.

Исторический опыт отрицается. Рефлекс самосохранения отсутствует. Господствует Танатос, инстинкт смерти, когда в истошном крике «Так жить нельзя!» хоронится вопрос: «А как надо?» или, точнее: «А что сделать, чтоб можно было жить?» И наконец, что значит — «жить»?

Так постараемся извлечь урок, назвать причины поражения и определить перспективу нашей страны в XXI столетии.

14. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД В XXI СТОЛЕТИИ

Мы уже говорили о том, что коммунизм сделал ставку именно на сознательный труд всех членов общества, всего человечества, на сознательное самоограничение людей и на труд как счастье, как благодать. В действительности это удел людей с сильно выявленной духовной конституцией, посвящающих себя труду творческому и религиозно осмысленному. Прототипом, своего рода аналогом, при всей рискованности такого сравнения, коммунистического (то есть духовно

ориентированного коллективного) труда является труд общинно-религиозный, сочетающий, если говорить об экономическом результате, высокую производительность с крайне низкими издержками. Если вскрывать причины, приводящие к такому результату, этот труд сочетает сознательную аскезу монаха и одухотворенное высшей осмысленностью трудовое сверхусилие.

Такой труд, безусловно, сверхэффективен. Он одновременно свободен в высшем смысле этого слова и (изначально и принципиально) локален, адресован к части общества, а не ко всему обществу в целом, но есть ряд существенных моментов, требующих осознания коль скоро мы хотим применить эту модель к современному обществу.

Первое. Отнюдь не в каждом человеке *вскрыт и полностью выявлен его духовный потенциал* (на существовании этого потенциала у каждого человека, на изначальном и принципиальном равенстве всех, *мы настаиваем именно как коммунисты)*.

Второе. Именно наличие «другой жизни», волчьей, биологической, приводило людей с духовной жаждой в монастырь. Они бежали туда от тягот и мерзостей греховной неизменной жизни. И чем тяжелей была обстановка за стенами монастыря, тем крепче держались вместе те, кто бежал сюда от нее, тем эффективнее был их труд, если возвращаться к экономическим категориям.

Третье. Еще полстолетия назад, в эпоху становления коммунизма, такая форма труда не могла иметь решающего значения, поскольку в индустриальном обществе экономическая ставка неизбежно должна была делаться именно на сверхмассовость, поскольку на сотни миллиардов продукции приходилось сотни миллионов работающих.

Четвертое. Перспектива превратить коммунистические общины в очаги высокопроизводительного, общественно значимого труда появилась лишь в конце XX века, когда сотни миллиардов экономического эффекта могут быть получены сотнями тысяч людей, а в недалеком будущем — возможно уже десятками тысяч. Таким образом, локальный труд выдвигает себя на роль всеобщего, давая коммунизму новые возможности реализации своего изначального замысла.

Пятое. Достаточно эффективные эксперименты по высокоэффективному локальному труду, основанному на общности, коллективном духовном стимуле и, главное, культуре сообщества (субкультуре), формирующей особое представление о качестве жизни не только и не столько в количественных категориях, существуют в реальности. Мы можем отнести

сюда и наши скиты, духоборческие общины, казачьи поселения, примеры жизни и деятельности крупных северных поселений, коммуны 20-х годов. Мы можем отнести сюда же японские фирмы-семьи, израильские кибуцы и десятки других типов так называемой «третьей экономики».

Шестое. Параллельно с этим мы должны говорить о росте эффективности агрессивных сообществ, формируемых по типу стаи, где уничтожение коллективов-соперников, инстинкт группового доминирования, другие регрессивные стимулы являются основой колоссального экономического эффекта.

Седьмое. В этой ситуации «первая экономика», классическая формула трудящегося индивидуума, который свободно реализует свой потенциал на свободном поле структур — субъектов экономической деятельности (корпорации, фирмы, кооперативы и пр.), является как бы вымирающим динозавром, то есть численно доминирующей, но одновременно уходящей в прошлое формой организации труда. Реальная конкуренция в XXI веке будет идти между «второй» и «третьей» экономиками. Она, по сути, будет являться экономическим аналогом политической борьбы между коммунизмом и фашизмом.

Восьмое. В условиях глобального кризиса экономика начинает не только ориентироваться на максимум эффективности, но и все жестче минимизировать издержки. Исторически здесь могут быть лишь два выхода: либо замена количественных показателей жизни в качестве стимулирующих труд — качественными и переход ко всеобщему коммунистическому труду, либо сохранение количественных стимулов для меньшинства (элиты) и тотальное подавление большинства человечества в более или менее изощренных формах.

Исторически коммунистическая экономика получает свой шанс, свою перспективу, использовать которые мешает, как это ни странно, предшествующий опыт коммунизма именно в плане организации им трудового процесса, то есть в плане сугубо экономическом.

15. ИЗДЕРЖКИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В XX СТОЛЕТИИ

Монах, принимая постриг, давал обет и становился на путь духоборческого подвижнического труда, сознательно тем самым отделяя себя от мирян, имевших другие моти-

вы деятельности. Монах шел на это добровольно, изучив устав данного монастыря, пройдя в нем послушание и искус системой сложных испытаний, посвящений и ученичества.

Коммунисты заявили о своем намерении превратить страну в коммуну, то есть в коммунистический монастырь. Но жизнь внесла свои коррективы. Она показала, что вся страна не может жить одним большим монастырем по непостижимому для большинства граждан уставу, что все население не может и не хочет эффективно трудиться при стимулах к труду, не воспринимаемых этим населением как таковые. А раз так, то вскоре произошла неизбежная и исторически необходимая на определенном этапе подмена монастыря — казармой.

Отнюдь не монахами чувствовали себя люди 30-х годов, рядовые граждане СССР, которым не чуждо было ничто человеческое. Они чувствовали себя солдатами, причем не профессионалами, добровольно принявшими присягу и имеющими тягу к воинскому труду, а мобилизованными на некую войну, образ которой был для них достаточно ясен.

Но там, где есть образ войны, там есть и образ победы, конца войны, возможности жить по законам мирного времени. Уже к середине 20-х годов затаившая дух в ужасе перед страшной конфронтацией коммунистических лидеров, чувствующая, что над ней нависает призрак новой гражданской войны, воевавшая, по сути, без перерыва десять лет, страна согласилась на военный консенсус на одно десятилетие. Битвы на трудовом фронте, войны за индустриализацию, за спасение, за выживание страны и народа шли буквально по законам военного времени.

Такие нормы эффективны лишь до тех пор, пока есть страшная опасность, страшный враг, одним словом, пока общий для каждого человека инстинкт борьбы за выживание (всем миром, всей страной, всем обществом) способен сплотить большинство населения. Добившись такого сплочения, коммунисты дополнительно использовали высокие побуждения (идеологию) и низменные (страх наказания) мотивы и создали своеобразный климат аскетической эйфории, в котором люди всем миром боролись против порабощения страны, боролись и победили.

Давайте вдумаемся в ряд цифр:

с 1921 по 1922 год — война,

с 1929 по 1940 год — подготовка к новой войне,

с 1941 по 1945 год — новая война,

с 1945 по 1955 год — восстановление *без помощи других стран,* опять сражение за выживание и победа, значение которой не меньше, чем победа в войне.

Сколько же поколений в этой стране *не знали мира?* Получается — чуть ли не три поколения. Ситуация — беспрецедентная.

На фоне такого особого режима, особого ритма жизни сложился особый стиль жизни — советский, особый тип личности — советский, особый тип культуры — советский, особая солидарность, особое отношение к тяготам жизни. Одним словом, особый мир. Он целостен, очень силен изнутри и поныне. Он стал традиционен и лег на традиционную почву.

«Дом» оказался крепок, и разрушить его можно будет лишь вместе с его обитателями. Что же касается того, можно ли было в нем жить или нельзя, то история уже дала ответ на это. Жили особой, возможно, странной для человека конца 80-х годов, но горькой и счастливой жизнью. Жили — страдали и побеждали, гибли, спасали и преодолевали «всем миром» очередную беду.

Теперь давайте сравним этот советский опыт с опытом других стран. Польши? Румынии? Венгрии? ГДР? Ясно, цемент, связавший между собой кирпичи нашего дома, в этих странах практически отсутствовал.

Вот и рухнула «декорация» даже быстрее, чем это могло бы померещиться кому-либо из врагов. И заговора искать не надо. Сама рухнула.

Другое дело, например, Китай, воевавший фактически не меньше, чем наша страна. Там ситуация возникла другая. И стены тоже пока не рушатся.

Преодолев послевоенную разруху, создав ядерный щит, страна какое-то время еще жила по принципу «только б не было войны», сохраняя стиль и ценности предшествующей эпохи. Коммунисты тоже худо-бедно, но как-то блюли себя в роли партии спасения, хотя в атмосфере хрущевской «оттепели» многовариантность уже становилась неминуемой и жизнь надо было менять очень круто.

Перед коммунистами фактически был выбор: формулировать новые цели в рамках стратегии военного времени, борьбы за выживание, еще раз воскрешая военный стиль, или менять сам принцип организации общества. Военный стиль меньше всего устраивал размякшее тогдашнее руководство, провозгласившее построение коммунизма в модели некоего изобилия.

Далее надо было объяснить, почему строить изобилие нужно все теми же методами жертв. Если людям было понятно, почему всем вместе надо было спасаться от беды, то смысл битвы во имя изобилия в их понимании вообще отсутствовал.

Именно в этот момент и могла бы быть сделана ставка на локальный коммунистический труд в формах неомонастырских (подлинно коммунистических), а не в формах милитаристских (вынужденных, превращенных).

Коммунисты в этот момент могли локализовать свое влияние, сконцентрировать власть на ключевых участках, там, где решались проблемы развития, и заменить тип власти, перейти к концептуальному приоритету и концентрации финансового потенциала, отказавшись от командного, милитаристского типа управления.

В форме налоговой системы они могли сохранить за собой большую часть государственной власти. Но на это они не пошли. И в результате оказались между двух стульев, превратив именно в этот момент, именно в условиях мягкого режима всю страну в концлагерь со своей криминальной иерархией, своими капо и «ворами в законе», своими фрайерами и шестерками. А в худшем положении оказывался тот, кто еще верил в коммунистический идеал.

Эти лидирующие в нравственном, а зачастую и в трудовом смысле слова группы населения быстрее других превращались в «доходяг», но чем больше они загонялись в угол, тем больше падала экономическая эффективность и без того достаточно малоэффективного строя.

Со временем партийная и государственная элита, все больше погружаясь во взаимные интриги и распри, предоставляла «концлагерю» возможность криминального самоуправления, то есть перекладывала труд по управлению на элиту, сформированную внутри самих зеков, а сама деградировала, опускалась, вырождалась. Криминально-коммунистическая система потенциально оказалась готовой к перерождению в криминально-капиталистическую или, если точнее, криминально-предкапиталистическую, неофашистскую.

Мы выделяем, таким образом, коммунизм духовный, военный и криминальный, как три формулы бытия, три способа организовать жизнь, вести хозяйство, управлять обществом. Мы сознаем, что эти три вида коммунизма способны реально существовать именно как тенденции, одновременно сосуществующие в коммунистической реальности.

Мы видим также, что эти три тенденции реально сосуществуют в разных пропорциях, в разных регионах страны и в разных слоях населения. На большей части территории страны, в большей части трудового населения потенциал некриминального коммунизма оказался достаточно силен, поэтому попытка осуществить криминальный капиталистический переход скорее всего будет сорвана. Этот срыв произойдет, по-видимому, не за счет прямого сопротивления населения, которое недостаточно вооружено сегодня идеологически, политически и интеллектуально в целом для того, чтобы бороться сознательно.

Он произойдет через неспособность элиты криминального коммунизма изменить социальные рефлексы населения, сменить тип культуры, перевести жизнь на новые рельсы, хоть как-то организовать и упорядочить ее в отсутствие «колючей проволоки».

Остановка жизни вызовет мощный взрыв социального недовольства, и в этот момент все будет зависеть от соотношения двух идей, двух моделей жизни, двух программ — фашистской и коммунистической — в сознании большинства населения. Победить иначе, чем в духовно-коммунистическом качестве, коммунизм не сможет и не должен. А то, насколько он в этом качестве способен занять лидирующее положение, будет зависеть от целостности и реалистичности плана действий, который новый коммунизм способен будет предложить нашему обществу.

16. ПЛАН ДЕЙСТВИЙ. ТЕЗИСЫ

Мы предлагаем стране *новую гуманистическую теологию,* способную объединить всех верующих и неверующих идеей разрешения загадки истории, снятия космического абсурда земного бытия, преодоления страха и подавленности, преследующей человека и человечество, асбурда, являющегося причиной войн, эксплуатации, жестокости и безумия. Мы заявляем о метафизической открытости необогостроительства всем гуманистическим религиям, новым религиозным веяниям (от учения Н. Ф. Федорова об Общем Деле до концепций Тейяра де Шардена, Вернадского, Леопольда Сеа (теология освобождения), философской антропологии, гуманистического психоанализа и других поисковых направлений, ориентированных на познание человека и мира).

Мы порываем с догматизмом и начетничеством, возвращаемся к своей духовной первооснове. Тем самым мы пред-

лагаем стране роль духовного лидера в XXI веке, роль мирного обновителя человеческой цивилизации, зажатой между потребительством и человеко-зверством, вынужденной круто перестроить саму себя в XXI столетии.

Мы предлагаем стране *начать борьбу за лидирующее положение в сфере производства,* но не ради того, чтобы, захватив это положение, поработить остальное человечество и занять максимум места под технотронным солнцем, а ради того, чтобы повернуть еще раз траекторию исторического прогресса, обогнуть «черные дыры» технотронного диктата и потребительского вырождения, не допустить конца истории, а, напротив, начать ее всем миром, всем человечеством на основе Справедливости, Равенства и всечеловеческого Братства, без деления на «первый», «второй» и «третий» мир, одним общечеловеческим домом. Адресуясь к недавнему историческому прошлому, мы напоминаем человечеству о насущной необходимости воинствующего гуманизма, теологии борьбы со злом, с тем зверем, который притаился в праисторической ночи и готов к смертной схватке. Не производство ради производства, не производство ради спасения себя, не производство ради потребления, а производство как высшая духовная миссия страны в общечеловеческом космическом плане — вот наша формула развития страны.

Мы открыто предлагаем стране *пойти на неизбежные издержки, связанные с осуществлением технологического прорыва во имя духовного лидерства.* Но одновременно мы предлагаем отказаться от мнимого, весьма проблематичного изобилия, от которого, вдобавок, лишь меньшинство сумеет «урвать свой кусок».

Мы отрицаем возможность и целесообразность создания в нашей стране островов общества потребления и островов унизительной бедности. Мы напоминаем обществу о том, что одно является неизбежным следствием другого. Будучи реалистами, мы считаем возможным и необходимым обеспечить при этом разумное повышение уровня жизни лидирующей в плане потенциала трудовой деятельности группы населения и понижения этого уровня для трудовых аутсайдеров — паразитирующей и привыкшей к такому существованию социальной группы. Без такой социальной встряски невозможна эффективная экономика, но при этом мы категорически настаиваем на необходимости обеспечить достойное качество жизни всем без исключения членам общества. Мы против того, чтобы для социальной встряски применить безработицу и рынок рабочей силы, и предлагаем другую схему оздоровления и ускоренного развития нашего общества.

Стратегия ускоренного развития

Мы считаем ключом к ускоренному экономическому развитию возможность опереться на лидирующую группу населения во всех сферах жизни и деятельности от науки, культуры, техники до производства, торговли, сельского хозяйства и сферы услуг, используя и духовные, и материальные стимулы. Расчеты показывают, что такая группа в нашей стране составляет около трех миллионов человек, то есть порядка одного процента всего населения. Поскольку качество трудовых ресурсов в лидирующей группе, по международным оценкам, не ниже, чем в США и Японии, а по ряду параметров даже несколько выше, мы можем рассчитывать на ту эффективность, тот уровень отдачи, который возможен в лидирующих структурах мира.

Расчеты показывают, что реальная годовая отдача от полумиллионного лидирующего коллектива, такого, например, как компания «Дженерал моторс», составляет величину порядка 25—30 миллиардов долларов.

Таким образом, мы вправе оценивать *потенциальную* эффективность нашей лидирующей группы в целом около 150—200 миллиардов долларов в год. Речь идет, таким образом, о том, что мы вправе лишь за счет разворачивания на полную мощь ударной группы населения производить дополнительно еще один национальный доход — ежегодно. Расчеты показывают, что те ресурсные инъекции, которые необходимы для превращения потенциальной энергии лидирующей группы в реальную, кинетическую, составляют менее пятидесяти миллиардов и могут быть осуществлены в течение полутора лет в режиме реализации централизованной государственной программы высшего приоритета. Необходимыми при этом прежде всего являются десять мер, обеспечивающих стратегию прорыва.

Это:

Первое. Выделение лидирующих предприятий и прорывных технологий.

Второе. Построение крупных и сверхкрупных государственных компаний по типу транснациональных корпораций в количестве не более пятидесяти и численностью от пятидесяти до пятисот тысяч работающих. Такие крупные и сверхкрупные предприятия представляют скелет любой современной экономики, вокруг которого формируется мускульная ткань средних и нервная ткань мелких предприятий.

Третье. Предоставление этим компаниям высшего кредит-

но-финансового, ресурсного, правового, налогового приоритета.

Четвертое. Предоставление руководителям компаний чрезвычайных прав, фактической бесконтрольности в плане оплаты труда работников, чрезвычайных полномочий по зачислению и увольнению работающих.

Пятое. Ориентация этих компаний только на внешний рынок в режиме экономической войны на международном рынке, с жесткими обязательствами и чрезвычайным режимом ответственности руководителей компаний перед Президентом страны за результаты своей деятельности.

Шестое. Ориентация на кооперационное производство, закупка недостающих заводов и фабрик на территориях стран «первого» и «третьего» мира, наем рабочей силы за рубежом или направление ее за рубеж в контрактном режиме.

Седьмое. Обеспечение в режиме, соответствующем интересам страны, ремиграционного и миграционного процесса, формирование реальных адекватных представлений о жизни в том самом «первом» мире, который сейчас фигурирует в качестве «блаженной страны Эльдорадо». Сейчас этим заняты дипломаты, журналисты, туристы, то есть люди, по преимуществу изучающие условия потребления, а не производства.

Восьмое. Обязательное обеспечение условий для «полного цикла», предполагающего сведение воедино научно-культурных комплексов, экспертно-оценочных групп, финансистов и менеджеров нового типа, проектантов, конструкторов, разработчиков опытно-производственных систем самого лидирующего производства, маркетинга, сбыта продукции на международном рынке. Все, что в этом плане отсутствует в стране, должно закупаться за рубежом, от технологий и акций западных предприятий до специалистов необходимого профиля.

Девятое. Создание креатополисов, интеллектуально-творческих зон, которые с учетом опыта академических центров должны функционировать в режиме, затрудняющем возникновение застойных процессов (контрактная система, особые режимы согласования культурно-средовых и технократических факторов, особый режим в сфере образования, статус особых зон и т. д.).

Десятое. Новое качество образовательных систем, формирование конструктивных молодежных стилей и субкультур, высокая приоритетность новых методов развития творческих возможностей человека и коллектива, включение потенциала гуманистической психологии и психосоциологии на новом

уровне в соответствии с лидирующими разработками в СССР и мировым опытом.

Мы считаем, что реализация этих десяти пунктов согласованно, в виде единой общегосударственной программы позволила бы в течение трех лет удвоить национальный доход страны без существенного понижения жизненного уровня населения. Мы убеждены, что реализация стратегии прорыва позволила бы остановить процесс духовной, экономической и социальной деградации страны и начать восстановительный период.

Мы готовы предъявить обществу расчеты, согласно которым вслед за первым периодом инъецирования, локального развития может начаться второй период, частично вовлекающий в точки прорыва уже десятки миллионов людей. Этот процесс потребует вполне ограниченного (до трех лет) времени для своей реализации. Мы готовы описать этот процесс с высокой степенью точности. И наконец, мы считаем, что вслед за локальным и частичным может идти уже и всеобщий процесс, поднимающий творческий и трудовой потенциал всего населения.

Таким образом, программа развития страны, которую мы предлагаем, отнюдь не является элитарной и способна к 2000 году дать новое качество деятельности, а значит, и жизни каждому конструктивно ориентированному члену нашего общества.

Мы не скрываем от общества, что такая программа основана на сверхнапряжении лидирующей группы, на ее действиях на пределе своих сил и возможностей. Но мы не навязываем этот режим всему обществу, считая это аморальным и социально неэффективным. Мы исходим из принципа локальности как новой черты экономики XXI столетия, мы учитываем ошибки и издержки коммунистической практики нашей страны и стремимся не повторять их на новом этапе развития нашего общества.

Мы понимаем, что в сложившейся ситуации общество не может спокойно ждать того, что именно случится с ним в результате деятельности лидирующей группы, что оно требует немедленных результатов, и поэтому дополнительно к ключевой программе развития страны мы готовы предъявить программу ее оздоровления или реконструкции.

Реконструкция и оздоровление промышленности страны

Мы готовы показать, что резервные возможности достаточно велики, но что их мобилизация потребует дополнительных усилий и жесткости. Основной проблемой страны, основной болезнью ее экономики мы считаем колоссально изношенный машинный парк, наследие хрущевского и брежневского периодов, в совокупности с ничтожной восстановительной способностью нашего машиностроения. Так, за чертой износа находится сегодня: основных фондов — более чем на 400 миллиардов рублей, а производительность машиностроения (восстановительная способность), регенерационный потенциал экономики не превышает и 5 миллиардов рублей.

Таким образом, используя возможности нашего машиностроения, мы *80 лет* должны были бы восстанавливать наш промышленный потенциал при среднем времени обновления машинного парка развитой страны, равного десяти годам!

Нам не придется восстанавливать машинный парк только лишь потому, что при данных темпах восстановления и разрушения машин мы через три года будем иметь половину машинного парка, через пять лет — не более одной трети, а через пятнадцать — десять процентов, после чего наконец восстановительный и разрушительный процессы сравняются по своей мощности.

Мы предупреждаем рабочий класс страны, что в этих условиях, уже сегодня оборачивающихся для него травматизмом, профессиональными заболеваниями, техническими катастрофами, завтра, по причинам даже не рыночного, а чисто технологического характера на улице окажутся десятки миллионов людей.

Мы предупреждаем сельское население страны, что если оно не хочет пахать на членах своего семейства или ковырять землю мотыгой, оно должно осознать критичность ситуации и уровень возможных последствий, а также то, что на одного работающего в развитых странах Запада техническая вооруженность фермерского хозяйства в сотни раз выше, чем в СССР, уже сегодня.

Мы предупреждаем интеллигенцию, что крах индустрии обернется для нее потерей инфраструктуры городской жизни и всеми тяготами, связанными с недопроизводством продуктов питания.

Кто же выиграет в этом случае? Только тот, кто будет контролировать ресурсы жизни. Совершенно очевидно, что

к тому моменту, когда все это произойдет, ресурсы окажутся уже не в руках государства.

Учитывая сложившуюся ситуацию, мы видим выход в форсированной модернизации промышленности, прежде всего средств производства, связанных с выпуском техники, необходимой для удовлетворения нужд потребителя.

Мы считаем необходимым в срочном порядке принять чрезвычайные меры по мобилизации на эти цели всех омертвленных ресурсов (так называемых «неликвидов», сверхнормативных запасов и пр.). Мы считаем возможным создать экономический механизм, который извлечет из омертвленной части национального богатства несколько сотен миллиардов рублей (средняя оценка — 350—400 миллиардов). Мы считаем необходимым осуществление с этой целью следующих мероприятий:

Первое. Жесткая налоговая политика, наказывающая рублем любого держателя мертвых ресурсов, не вовлекаемых и держателями в процесс производства.

Второе. Специальный режим благоприятствования по отношению к тем, кто способен освободиться от «неликвидов», сверхнормативных запасов, снизить потребление всех видов сырья и энергии.

Третье. Создание специальных предприятий, которые в чрезвычайном государственном режиме проводят извлечение омертвелых ценностей и запасов с выводом их на внешний рынок.

Четвертое. Специальные административные санкции к тем, кто противодействует выполнению государственной программы.

Пятое. Централизация и жесточайшее программирование использования средств, полученных от продажи мертвой части нашего национального богатства.

Поскольку речь идет о преодолении бедствия, мы имеем право говорить именно о комплексе чрезвычайных мер, чрезвычайных законов, чрезвычайных полномочий во всем, что необходимо для решения этой задачи.

Реконструкция и оздоровление сельского хозяйства страны

Опыт показал, что условия работы на земле в большинстве случаев требуют иных прав, хозяйственных полномочий для тех, кто на этой земле трудится. Вместе с тем мы выступаем категорическими противниками продажи земли в частную собственность, поскольку этот процесс в конкретных ис-

торических условиях неизбежно приведет к появлению латифундий. В связи с этим мы считаем необходимым:

Первое. Безвозмездную передачу земли в собственность тем, кто ее обрабатывает.

Второе. Ипотечное кредитование крестьянина, получившего землю, с выдачей закладной и контролем государственного регулярного земельного банка за использованием земли в режиме, в котором это происходит в странах максимально интенсивного земледелия (прежде всего в Голландии).

Третье. Специализацию сельского хозяйства в фермерском варианте через продажу и льготную выдачу банком лицензий под технологии и средства интенсивного земледелия.

Четвертое. Вплоть до начала сбрасывания цен на продукты питания установить натуральный налог через ипотечный банк с передачей городскому населению *всех продуктов питания по твердым ценам.*

Пятое. Обеспечить защиту и создание необходимых стимулирующих приоритетов по отношению к производителю, стремящемуся сохранить коллективную форму деятельности на земле (безусловно, только в случае ее высокой эффективности).

Мы считаем, что указанная совокупность мер сохранит и укрепит политический блок всего трудового населения, поскольку деревня получит необходимый уровень прав и защиту от латифундистской эксплуатации, а трудящийся город — низкие цены на продовольствие, являющиеся одним из достижений существующего строя.

Реконструкция и оздоровление методов управления

Мы отрицаем жесткую командную дисциплину во всем, что не касается режимов бедствия, когда военный метод, связанный с четким выполнением команд и приказов, становится единственно возможным.

Мы считаем необходимым сделать все возможное для того, чтобы ситуации жесткого командования не стали необходимыми.

Мы убеждены, что гораздо более эффективной является четкая налоговая система с тремя основными налогами: на территорию, численность работающих и потребляемые ресурсы, а также протекционизм во всем, что связано с системой приоритетов определенной программы развития страны.

Налоги, контроль и тип кредитования регулярными государственными банками, система регулирования доходов, социальные льготы и поддержка населения — вот все необходимое, с нашей точки зрения, для того, чтобы дать импульс к развитию инициативы, сохранив общественный и государственный контроль.

Национально-государственное устройство

Мы — федералисты. Мы жестко стоим за целостность страны и считаем конфедеративное устройство, огосударствление этносов, приоритет части над целым грубейшими нарушениями логики функционирования систем, игнорированием государственного опыта лидирующих стран мира.

Вместе с тем мы считаем, что правовой режим для территорий, входящих в состав страны, должен быть достаточно гибок и способствовать их развитию в рамках тех прав, которые предоставлены отдельным землям в ФРГ или отдельным штатам в США.

В условиях многонационального государства мы считаем необходимым введение единого гражданства страны во все документы советского гражданина и отнесения его национальной принадлежности к сфере культурного самоопределения личности.

Наша формула устройства страны — «Союз народов — федерация территорий». Мы — интернационалисты. Мы считаем нашу страну культурно-исторической коалицией, где развитие всех национальных культур является единственным путем к укреплению культурно-исторического целого, сформировавшегося на протяжении столетий. Мы за право наций определить свою государственность, но только раз и навсегда. Целостность государства не может быть вопросом, решаемым от случая к случаю. Родина — не рынок, отношения на котором можно регулировать в зависимости от конъюнктуры. Родина — это история, кровь и судьба.

17. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сознательно ограничились тезисами в вопросе о программе развития и оздоровления нашего общества по следующим причинам.

Первое. Вопрос этот настолько серьезен, что переход к

развернутой форме требует многотомного изложения.

Второе. Часть вопросов настолько амбивалентна, что мы не считаем необходимым давать развернутые трактовки, опасаясь того, что предлагаемые нами инструменты могут оказаться использованными в чуждых нам целях.

Третье. Мы живем в ситуации, когда разворот событий настолько многовариантен, что, определив стратегию и методы решения вопросов, необходимо гибкое слежение за реальностью и адекватное реагирование, а не детальный и скрупулезный просчет.

Дело — расставит «точки над і».

Время — покажет.

СОДЕРЖАНИЕ

Кургинян С. Е., Аутеншлюс Б. Р., Гончаров П. С., Громыко Ю. В., Сундиев И. Ю., Овчинский В. С.

П63 ПОСТПЕРЕСТРОЙКА: Концептуальная модель развития нашего общества, полит. партий и обществ. организаций / Кургинян С. Е., Аутеншлюс Б. Р., Гончаров П. С. и др.— М.: Политиздат, 1990.— 93 с.

ISBN 5—250—01463—1

В книге анализируется расстановка политических сил внутри страны, дается прогноз возможного развития событий в случае обострения кризисной ситуации и исследуются пути выхода из кризиса. Излагая собственное, во многом спорное понимание острых проблем современного этапа общественного развития, авторы приглашают к дальнейшему их обсуждению.

Книга адресована специалистам-обществоведам, а также участникам общественно-политических движений различной ориентации.

К $\frac{0803010200-091}{079(02)-91}$ КБ—37—4—90 ББК 66.3(2)

С. Е. Кургинян, Б. Р. Аутеншлюс,
П. С. Гончаров, Ю. В. Громыко,
И. Ю. Сундиев, В. С. Овчинский

ПОСТПЕРЕСТРОЙКА:
концептуальная модель
развития нашего общества,
политических партий
и общественных организаций

Под наблюдением заведующего редакцией *В. И. Кураева*
и редактора *О. Ю. Бойцовой*
Младший редактор *О. Ю. Солодухин*
Художник *А. А. Чириков*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 9180

Сдано в набор 14.09.90. Подписано в печать 22.10.90. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,46. Уч.-изд. л. 5,34. Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 1187. Цена 40 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

40 коп.
ПОЛИТИЗДАТ